

Александр Гуров

УЧЕНИК НЕКРОМАНТА

ИГРЫ ПРОКЛЯТЫХ

18+

Александр Гуров

**Книга 1. Ученик некроманта.
Игры Проклятых**

«Автор»

2009

Гуров А.

Книга 1. Ученик некроманта. Игры Проклятых / А. Гуров — «Автор», 2009

Тихо в стране мертвецов. Тихо и во владеньях живых. Давно отгремели битвы и отпели горны, отплакали свое матери и отмолили жрецы. В мире воцарился покой и людям можно не волноваться, но лишь до тех пор, пока не свершится пророчество, которое предрекает власть некромантам. Он - ученик темного мага, они - воспитанники жрицы. Он наполовину мертв внешне, они - изнутри. Что общего между ними и зачем судьба пытается их свести? Что за пророчество прозвучало из уст Видящей и суждено ли ему сбыться? Кто узнает ответы на эти вопросы, тому станет известно будущее человечества.

Александр Гуров

Книга 1. Ученик некроманта.

Игры Проклятых

Александр Гуров

«УЧЕНИК НЕКРОМАНТА. ИГРЫ ПРОКЛЯТЫХ»

Не хочешь чувствовать боли – умри.
Хочешь вечной боли – стань бессмертным.

Прорицание первое

В храмовом саду резвилась ребятня. Кто играл в прятки, кто в лова. И лишь двое сорванцов, нарушая обычаи культа Симионы, играли с вытесанными из ясеня мечами. За ними неотрывно наблюдала Третья матушка. Суровая и бескомпромиссная, она заслужила среди адептов славу «злой ведьмы». Но сейчас в ее глазах не читалось ни гнева, ни недовольства, лишь радость и умиление.

– Умелые ребяташки, – прошептала прорицательница Вэльва. Она подошла бесшумно, словно пара над землей. – Но судьба не наградит их ни победами, ни воинской славой. Им суждено вырасти храмовниками, верными последователями Симионы-созидательницы.

– Из всех подкидышей, сирот и оборванцев получатся хорошие сановники, – натягивая казенную хладнокровность, выговорила Ливия, но голос дрогнул. Она всегда неловко чувствовала себя в обществе прорицательницы. Быть может, потому что Вэльва читала людей, как открытую книгу, а Ливии было что скрывать от Храма.

– Назарин и Аарон не останутся при Храме, им уготовлены другие судьбы.

Ливия полным отчаяния взглядом посмотрела на мальчишек. Она не хотела расставаться с ними, они стали смыслом ее жизни, единственными дорогими в мире людьми. Все считали их родными братьями, но Ливия знала, что это не так. Один из них был ее сыном...

Десять лет назад, разъезжая в компании бродячих артистов, Ливия забеременела от хозяина труппы. Вокруг него всегда толпились девушки. Среди них была и Ливия. По глупой молодости она посчитала, что своей красотой затмит всех остальных и станет для него той единственной, с которой он пройдет через всю жизнь. Она ошиблась. Следующим же вечером он был уже с другой. А спустя девять месяцев Ливия родила мальчика. Через несколько дней разрешилась и ее подруга Лэйла.

Узнав о рождении детей, хозяин труппы не церемонился. Поставил двух матерей перед выбором: либо он и труппа, либо дети и изгнание, а как следствие – голод, холод и дорога в никуда. Ливия бросила ребенка.

Спустя два года одумалась. Сбежала из труппы, вернулась в Храм и прошла посвящение в жрицы. Но Назарин и Аарон были настолько похожи на отца, что сама Ливия не смогла распознать, кто из них ее сын. Она с одинаковым материнским теплом полюбила обоих.

– Какая судьба их ждет?

– Ливия, моя дорогая Ливия, я всегда восхищалась твоим мужеством. Ты не спрашиваешь, можно ли пойти с ними, не спрашиваешь, кто из них твой сын... – Вэльва жестом оставила вопрос. – Да, я знаю твой секрет. Такое трудно скрыть от Видящей. Я могу сказать, кто из них твой сын.

По телу Ливии пробежал холодок. Один вопрос – и она узнает, кто ее плоть и кровь.

– У меня двое сыновей, – взяв себя в руки, уверенно ответила Ливия.

– Я знала, что ты ответишь именно так. Они не узнают, кто их отец, не узнают, кто их мать. Они родились и умрут сиротами.

– Лишь бы у них все было хорошо...

– Боюсь, хорошего мало. Мне было видение. Они умрут от руки колдуна, не достигнув возраста в двадцать весен.

«Им осталось жить десять лет», – содрогнулась Ливия и в то же мгновение почувствовала слабость – голова закружилась, а ноги подкосились. Светлейшая прорицательница за всю свою долгую жизнь не ошиблась ни разу: ее видения сбывались с безупречной точностью. Если... если она сама не вмешивалась в судьбу и не помогала ее изменить. Но такое случалось нечасто.

– Я возьму их в ученики и обучу всему, что знаю сама. Надеюсь, эти знания помогут им выжить.

Полубморочное состояние жрицы вмиг улетучилось, она упала на колени и принялась целовать прорицательнице ноги.

– Прекрати! Прекрати, Ливия. Нас могут увидеть.

– Спасибо, Вэльва, я этого никогда не забуду.

– Ты этого никогда не вспомнишь. Ты должна забыть этот разговор. И о Назарине с Аароном – тоже. Теперь они не твои сыновья, а мои ученики.

– О лучшей участи для них... я не могла и помыслить, – сквозь всхлипы и слезы говорила мать, однажды уже отдавшая сына в чужие руки и вновь совершающая ту же ошибку.

* * *

В комнате царил полумрак. В тусклом свете единственной свечи пыль, осевшая на стеллажах и картинах, казалась серебром... или плесенью. С книгой в руках в центре комнаты застыл некромант, укутанный в темно-красный плащ. Он опустился на колени, уверенным движением начертил на полу круг, вписал в него гептаду, корявым почерком добавил к ней несколько символов и замер.

Огонек свечи часто замигал и застыл, словно неведомая сила остановила ток времени. Из магического круга повеяло мертвым холодом, и от центра гептады поползла тонкая корка льда.

Чернокнижник отложил том заклинаний и потянулся к висящему на шее ламену. Взял его костяной рукой и, направив на круг, что-то тихо прошептал. В тот же миг послышался женский плач, мольбы о помощи и проклятья. Вскоре они утихли, оставив от себя лишь приглушенное эхо, еще бродившее от стены к стене.

– Слушаю тебя, повелитель... – окатил комнату низкий утробный голос.

– Видящая, – некромант указал на забившуюся в углу женщину в разорванном, окровавленном платье, – мечтает рассказать о прорицании, но послушники Храма отрезали ей язык и сломали пальцы, чтобы она не могла передать знания. Ты станешь ее языком.

Невидимый дух скользнул к женщине, оставляя за собой тонкий путь изморози, проник в ее тело и захватил сознание. Пленница застонала от резкой боли и холода, заскрежетала переломленными пальцами о каменный пол и, не выдержав пытки, упала в обморок. Ее глаза закатились, спина изогнулась дугой, и в следующий миг она заговорила языком духа:

– Когда воскреснет живой и оживет дважды мертвый, когда рабыня станет королевой, а бессмертный король добровольно оставит свой трон... Тогда и только тогда власть над самим собой станет для раба властью над миром.

Видящая замолчала. Некромант на мгновение задумался. Поняв, что с такими условиями ему не видать власти, рванулся вперед и, на ходу обнажив сталь клинка, вонзил его в горло Видящей.

– Я исполню пророчество, сколь бы сумашедше оно ни звучало. Или найду другую Видящую.

Глава 1 Полумертвый

Кто пришел сюда, в страну коней...
Рыба плывущая...
Птица поющая...
Он погиб коварной смертью.

Эггьюмская надпись

Среди ясного неба неистово громыхнуло. Облака быстрыми тенями скрыли закатное солнце, поглотили свет. Угрюмо опустили черные кудрявые брови боги грома и молний – сковали небо непроглядными тучами. Дождь роем жалящих капель низвергся с небес. Ветер взревел неистовым воем и забарабанил каплями в закрытые ставни.

Прикрывая глаза руками, через поселение прошел одинокий путник. Капюшон скрыл его лицо, серый плащ поглотил худощавое тело. Он вышел к почерневшим от сажи и копоти развалинам.

Выгадав время, из ближнего дома выскочил мальчик, который до сих пор не верил маминим сказкам об оживших мертвецах. Его любопытные глазки изучали серую фигуру, надеясь распознать в незнакомце повелителя мертвых. Следом за сыном, вооружившись вилами, выбежал испуганный отец, потащил непослушное чадо домой.

– Маловат для некроманта! – бросая на странника косые взгляды, заявил сорванец.

Путник обернулся. Порыв ветра сорвал с него капюшон, открывая изуродованный облик. Левая часть его лица была людской, на правой же не было ни кожи, ни плоти – темная магия прогрызла ее до белесого черепа.

Испугавшись, ребенок тут же юркнул в дом. Отец поспешил вслед за сыном. Сегодня он задаст неслуху немалую трепку: выместит на нем злобу и страх.

Некромант перевел взор на развалины.

– Это они виновны... – оголенная костяшка челюсти уродски шевелилась, выталкивая сквозь безгубый рот плаксивые слова. Уцелевшие при пожаре глаза ненавидяще смотрели на пепелище, оставшееся от отчего дома. – Я отомщу! Найду, кому и...

Зов Хозяина. Зов сотен труб, слившийся воедино, вырвал его из плена прошлого. Жалкие угрозы умерли на устах. Мальчик впился беспомощным взглядом в руины, в которых сгорели свобода и счастье. Он сопротивлялся чужой магии изо всех сил, отчаянно надеялся, что воля и разум победят Зов! Но расслабил руки. Отвернулся от пепелища.

Зов сильнее воли...

* * *

Замок Бленхайм стоял на отшибе. Единственная ведущая к нему дорога круто извивалась, огибая многочисленные овраги и впадины, постепенно задиралась ввысь, поднималась на предгорье, где прошибала насквозь безлюдный гарнизон – и бежала дальше, резко обрываясь у древней крепости.

Издали Бленхайм напоминал резную тиару, зубцами которой служили тонкие шпили башен. Широким ожерельем его обвили монолитные крепостные стены, скрыв от глаз основание замка. Ворота, которые никогда не закрывались, напоминали разинутый рот, подъемный мост походил на язык. И стоило монарху в тройной короне проглотить новую жертву, как она попадала в другой мир – мир смерти, мир ее царства.

Вблизи Бленхайм менялся.

Из красочной короны превращался в уродливого клеща, который намертво присосался к земле и, напитавшись ее соками, вырос ввысоту и вширь. Из крепкого тела замка повылезали шипы башен, почерневшие от времени стены обвил старательный плющ, лицевую сторону крепости усеяли валяния гротескных существ с дырами вместо глазниц. Десятки демонических глаз уставились на вошедшего, впились в него каменными взглядами.

Сандро вошел в крепость, свернул из мрачного парадного зала и оказался в кухне. Остановился в дальнем углу комнаты у кухонного шкафа. Уверенным движением прокрутил ручку по часовой стрелке, потянул на себя. Дождался щелчка и повернул рычаг обратно.

Без малейшего звука дверные створки разошлись, открывая мрачную винтовую лестницу. Темнота, окутавшая узкую прорезь туннеля, казалось почти живой, она играла пылью в тонких лучах лунного света, переливалась сотней оттенков.

Не колеблясь, мальчик ступил во тьму и медленно зашагал по идеально ровным, не поддавшимся разрушительному времени ступеням.

Вскоре внизу забрезжили блики свечей. Мальчик вышел в яркое и светлое помещение. Тысячи магических свечей тихо потрескивали в резных настенных нишах, создавая подобие уюта, но общая атмосфера зала наталкивала на гнетущие мысли. В стеклянных сосудах замерли в вечном покое заспиртованные эмбрионы и органы. Многочисленные колбы с жидкостями, коробки с порошками и другими ингредиентами для опытов бесконечной чередой осели на высоких стеллажах. В дальнем углу лаборатории на полках пылились старинные фолианты и пожелтевшие пергаменты.

– Где тебя носило? – послышался скрипучий голос, обладатель которого скрылся за рабочим столом, уставленном химическими принадлежностями.

– Я гулял, снаружи... – ответил мальчик, виновато потупив взор.

– Опять ходил в деревню, – выговорил Арганус Д'Эвизвил, резко выныривая из-за стола, словно крокодил, атакующий добычу. – Сколько можно повторять, чтобы ты там не показывался? Слова перестали на тебя действовать? С этого дня я запрещаю тебе ходить в деревню – это приказ.

– Учитель, пожалуйста... не надо приказов... – Сандро оторвал взор от пола, всмотрелся в огненные глаза Хозяина. Их взгляды пересеклись всего на мгновение, но для мальчика оно показалось веком. Ученик потупил взор, опять уставился на напольную мозаику, где в иллюзии движения сражались альвы и некроманты.

– Ты меня слышал. Я приказал и не привык повторять дважды.

– Вы звали, – отчеканил Сандро, лишив голос всяческих эмоций, лишив себя чувств, став истинным слугой, покорно ожидающим приказа.

– Звал. Сегодня я создал новое зелье, даже не зелье – жидкий газ, который превращает человека в зомби без затрат Силы и приковывающих заклинаний.

– Великолепно, – сухо проговорил Сандро.

– Я не вижу радости! – вознегодовал Арганус, словно требуя от мальчика немедленных торжественных вскриков и аплодисментов.

– Вы бы не показывали мне этот газ, если бы он работал безупречно, – хладнокровно выговорил мальчик пятнадцати лет, пять из которых провел в учениках некроманта. – Мне надо закончить работу?

– Да, – кивнул Д'Эвизвил.

Как и многие чародеи, он предпочитал долгим и малоэффективным изысканиям в алхимии более совершенную темную магию. Зато старательный ученик проявил к тяжелой науке особое рвение, без конца изучал трактаты и сводки, делал это в ущерб практическим занятиям некромантии, но такой ход вещей устраивал Аргануса. Лич редко находил для ученика время, редко занимался с ним магией, зато всегда с удовольствием следил за развитием его алхимических талантов.

Некромант прошел к выходу из лаборатории, грубо стуча железными ботинками о каменные плиты. Арганус часто облачался в доспехи, маскируя свое естество. Но тонкие пластины слишком плотно облегли хрупкую статью, чтобы скрыть сущность скелета.

– Учитель! – крикнул вслед Хозяину мальчик. – Какого эффекта не хватает? Над чем мне нужно работать? Какие ингредиенты вы использовали? Я не могу работать вслепую...

– Записи на столе, – не оборачиваясь, бросил Арганус и скрылся во тьме винтовой лестницы.

Мальчик небрежно взял в руки пергамент. Почерк писца был коряв и неразборчив, попытки научиться каллиграфии так и не увенчались успехом: иногда недостаточно даже многовековой практики, чтобы совладать с бесталанностью.

– «Эликсир обживения»... – недовольно пробурчал Сандро, коверкая и без того неразборчивый, но уже привычный почерк. Мальчик без труда разбирали каракули лича, но, уединяясь, позволял себе посмеяться над учителем.

Сандро наскоро пробежался по тексту, несколько секунд помолчав, заключил:

– Простейшая формула. Связка, конечно, интересная, но уже не диковинная...

Ученик изобрел эту «новинку» годом раньше, но так и не показал Арганусу, опасаясь, что эликсир причинит вред людям. Сейчас же он получил приказ, которого не ослушаться, не исполнить натреть или наполовину. Работу должно выполнить наилучшим образом.

Юный ученик взял толстое гусиное перо, макнул в чернильницу, вырезанную в виде человеческого черепа. Двумя уверенными мазками исправил ошибки в формулах, подписал заклинание, без которого эликсир, несмотря на утверждение Аргануса, терял силу. После чего отложил в сторону перо и исписанный пергамент.

Быстро разобравшись с заданием, Сандро не спеша прошел к книжным полкам в дальнем углу лаборатории. Присел на корточки, аккуратно отодвинул кусок мозаики и вытащил из тайника колбочку с эликсиром, который останавливал рост живых клеток.

Мальчик убивал в себе взросление. Только так он мог предотвратить искажение собственного организма, мертвая часть которого не менялась, а живая продолжала расти.

Одним большим глотком Сандро выпил зелье. Едко-зеленая жидкость обожгла небо, теплом прочертила маршрут от горла к желудку. В голове закрутились сотни мыслей, заученные долгими ночами формулы, бесконечные заклинания и алхимические заметки. Побочным эффектом от зелья было повышение умственной активности, и Сандро пользовался этим сполна: изучал алхимию и некромантию, надеясь, что знания в конце концов помогут оборвать связь с Хозяином, вернуть свободу, а возможно, и... человеческий облик.

Пересилив привычную боль от эликсира, мальчик поднялся и прошел к бесконечным книжным стеллажам. Вытащил первый попавшийся трактат, которым оказалась историческая сводка «Путь Трисмегиста».

Пропустив первые главы, которые редко раскрывали суть, веером пролистал книгу до середины.

Альберт Трисмегист. Друид и наставник магии. Его руке принадлежит труд «Все об эликсире бессмертия», в котором Трисмегист изложил многолетние изыскания по созданию Эликсира Жизни. Также в книге изложены все три формулы эликсира. Но ни одна из них не принесла желаемого результата. Последнее испытание дало невероятный сбой: друид лишился плоти, но магия скрепила его кости, не позволяя умереть; ум и сознание развеялись вокруг скелета невидимой аурой, рассудок друида ожесточился, темная сторона сущего поглотила Трисмегиста, и он стал порождением зла, смерти и насилия.

Зато трансформация многократно увеличила колдовские способности Альберта, дала невероятные возможности, наделила нечеловеческой силой...

Сандро зашуршал страницами. Даже в середине книга не отличалась интересным повествованием, поэтому он решил начать с конца. Открыл последнюю страницу, вник в ее суть:

И начал он творить зло, плодить подобных себе. И бывшие друзья стали ему рабами, и цветущий лес превратился в каменную пустыню. И крепости отстраивались одна выше другой, и строили их безвольные скелеты, в которых превратил Трисмегист всех людей и альвов, живших в округе. И когда его могущество стало велико и безгранично, он начал войну.

...Огни и пожарища изувечили лицо матери-земли, исказили его в болезненной гримасе. Легион нежити был несокрушим. Казалось, дни мира сочтены, но в решающем сражении люди одержали победу и оттеснили некромантов к их исконным владениям.

Бессмертный король сложил голову в Последней битве, ознаменовав гибель непобедимого войска. Но объединенные силы людей и альвов не смогли закончить начатое. Их силы истаяли. Стало ясным, что окончательную победу не одержать. Тогда все маги, друиды и ведуны соединили силы и сковали магическими оковами обезглавленное войско, запечатали неупоконных в границах Хельхейма, не позволяя им выходить за магическую черту.

Под «купол» попала и людская страна, Стигия, которая в Последней войне сражалась на стороне нежити и была проклята собратьями-людьми. Некроманты стали пленниками своих земель, узниками мертвой страны. Но они жили, существовали с мыслью, что когда-нибудь вырвутся из магического плена и сотрут с лица земли все живое. И была у них для этого вечность.

Сандро закрыл запыленный фолиант. Ничего нового он не узнал – разве что название книги: «Все об эликсире бессмертия». Оно крутилось в голове, не давая покоя.

Юный алхимик задумался. Трисмегист создал эликсир, стал родоначальником некромантов. Возможно, где-то между строк затерялось указание на обратное зелье, способное вернуть утраченную сущность?

Быстро пробежав взглядом по книжным стеллажам, Сандро нашел нужный трактат. Приставив к стеллажу лестницу и взобравшись на нее, достал книгу, попытался ее открыть, но жуткий Зов ворвался в сознание, затмевая все вокруг. Схватившись за голову, Сандро сверзился с лестницы. Подобный сирене Зов волнами прибывал его к полу.

– Хватит! Я иду! – истошно закричал мальчик и прошептал заклинание, избавляющее от боли, но ничего не изменилось. Пересилив себя, он все же поднялся. Сжавшись в комок, побежал к Хозяину, чтобы тот разжал тиски своего Зова.

* * *

В окно впорхнул ветер, неся за собой капли дождя. Свет догорающей на комоду свечи недовольно замерцал, заиграл безликими тенями на серых стенах.

– Тише, – попросила у ветра девушка, прикрывая ладонью дрожащий огонек. Дождавшись, когда пламя выпрямится и ярче озарит темную келью, она убрала руку от свечи, взяла прореженный гребень, похожий на рот, расплывшийся в щербатой улыбке, и продолжила расчесывать пряди огненно-рыжих волос.

Неутомимый ветер опять влетел в комнату, потревожил огонек свечи, пробежался от стены к стене, окутывая келью едва ощутимой прохладой.

Девушка отложила гребень и, улыбнувшись, посмотрела в окно, за которым бушевала дождливая поздняя осень.

Став пленницей некроманта, Энин полюбила дождь. Полюбила его гром за то, что он нарушал извечную тишину, его ветер за то, что он освежал затхлый воздух кельи, его молнии за то, что они разукрашивали антрацитовое небо яркими узорами. Но самое большое достоинство

дождя было в том, что у него не было повелителей и хозяев – он принадлежал себе и только себе и этим отличался от двух сестер, которые волей рока стали рабынями некроманта.

– Анэт, – позвала Энин девушку, лежавшую на кровати и мечтательно глядевшую в потолок. – Сестра!

– Что?

– Хочешь, я тебя причешу?

– Позже, – отмахнулась Анэт и задумчиво спросила: – Ты скучаешь по дому?

Энин задумалась. Вспоминала тяжелую работу в поле, вечные домашние тяготы, приставать за младшим братом. Ее лицо озарила улыбка. Сколь бы ни были тяжелы эти дни, они всегда наполнялись родственным теплом и домашним уютом. Но память скользнула дальше, вернув картину, когда слуги некроманта оторвали их от семьи. Вспомнились слезы матери, плач младшего брата и неправдоподобно спокойное лицо отца.

Улыбка сменилась гримасой.

Больше всего ей запомнился именно отец – его неуверенные извинения, сбивчивые оправдания, лишенное эмоций лицо. Он так сильно мечтал покинуть Стигию, что без зазрений совести продал дочерей некроманту, выменял на свободу для себя, жены и младшего сына. Энин ненавидела отца.

– Как ты думаешь, у нашей семьи все хорошо? – спросила Анэт, вырвав сестру из пелены черных мыслей.

– Не знаю... не знаю, о какой семье ты говоришь! Отец нас продал! Здесь мы из-за него.

– У него не было другого выбора.

– Был! Мы могли жить, как все...

– Умирать и становиться бродячими мертвецами, – закончила за сестру Анэт.

– Пусть так, но уж лучше бы все было как раньше, чем как сейчас.

Двери со скрипом распахнулись. В проеме показался уродливый скелет. Его тощую фигуру скрывали начищенные доспехи и темно-красный плащ. Арганус уставился на сестер и едва слышно приказал:

– Не медлите, я спешу.

Девушки испуганно переглянулись. Они знали, что означает этот приказ. Анэт скользнула волосами по груди сестры. Извиваясь, поднялась выше. Нежным движением отодвинула рыжие локоны и тихо шепнула:

– Не плачь, нежить не должна видеть наших слез.

Губы Энин изогнулись в подобии улыбки. Девушка ласково взяла сестру за плечи, поцеловала в шею, прикусила мочку уха и прошептала в ответ:

– Сегодня я твоя...

Анэт встала и помогла встать сестре. Провела ее к расстеленному ложу и замерла в нерешительности. Движения Анэт были вымеренными, отточенными, словно их делал не человек, а бездушный механизм. Она не была собой – это была пустота с лицом Анэт. Девушка, пересилив внутренние противоречия, нежно прикоснулась к сестре, к ее хрупкой женственной спине. Незаметным движением опустила бретельки, провела руками, повторяя контуры девичьей фигуры. Легкое атласное исподнее тихо зашуршало у ног, оседая на матово-черном полу. Анэт уверенно, но ласково уложила любовницу на кровать. Энин прижалась к ложу, сжала в кулаки простыню, в душе ненавидя и презирая любовные утехы с сестрой, которые, впрочем, были так же неизбежны, как само рабство.

Анэт медленно сняла с себя платье, обнажая хрупкую фигуру. Неуверенно, осторожничая, легла рядом. Нежно провела рукой, повторяя изящные изгибы сестринского тела, но, не совладав с эмоциями, которые выплеснулись через незримый край, хищной кошкой запрыгнула на сестру. Крепко сжала ногами ее ягодицы, своим телом прижалась к изящной женской стати, прикоснулась к ней губами. Ненасытно, но скупо целовала нагое тело, спускаясь все ниже

и ниже. Дойдя дорбгой холодных, как лед, поцелуев до крепких ягодиц сестры, она властно развернула Энин и принялась ласкать любовное место. Не переставая, ублажала: нежно, играючи...

Привычно.

Энин тяжело дышала, возбужденно изгибалась, поддаваясь ласкам, воображая вместо сестры истинного любовника, которого так никогда и не знала. Представив давнюю, первую и единственную любовь, она мечтательно-желанно прижала к себе сестру. И в этот миг потеряла над собой контроль. Она уже не замечала лича, неотрывно наблюдавшего за ними, ее уже не волновали свобода и рабство: она получала удовольствие и отдавалась ему всецело.

Некромант внимательно наблюдал за любовной картиной. Самым сладостным в ней была девичья неуверенность, их обманные, лживые ласки, неумело прикрытые маски, скрывающие ненависть и злобу. Это возбуждало в личе самые сокровенные, едва не людские, мечты и желания. В эти мгновения он вспоминал прошлую жизнь, возвращался в человеческое тело, мысленно одаривая неумелых любовниц собственными нежно-грубыми ласками.

Но за удовольствие приходилось платить, и Арганус из раза в раз выкупал у отцов их дочерей, суля свободу всему семейству. Люди получали то, чего желали – шанс покинуть Стигию, а вместе с подвластной страной и домен Хельхейм, но слова Аргануса оказывались ложью: на границе людей ждала смерть. Некромант никого не выпускал из своих владений. Приграничные лорды умерщвляли посланных к ним людей и превращали их в нежить.

А ничего не знающие о судьбе семьи наложницы радовали лича своей красотой и молодостью. Но по прошествии лет, потеряв молодость и былую привлекательность, наложницы присоединялись к своей семье. После смерти. А на смену старым приходили другие. И история повторялась. Уже тысячу лет...

Двери резко распахнулись, глухо ударяясь о стену. На пороге застыл в искореженной позе перепуганный мальчик.

Девушки невольно остановились. С отвращением посмотрели на вошедшего, чье лицо скрыл серый, опущенный едва ли не на нос, капюшон. Это был маленький, серый комочек, от которого веяло могилкой еще больше, чем от покойника.

Энин упорно смотрела на неизвестного. Она все еще глубоко дышала от возбуждения, но хрупкая аура любви уже разбилась о твердь ненависти, а страсть растворилась в дымке страха.

– Вон отсюда! – гаркнул на ученика некромант.

– Хозяин... Зов... перестаньте... – прошипел сквозь стиснутые зубы Сандро и, не выдерживая боли, упал на колени.

Арганус с хрустом сжал кулаки и шагнул к Сандро, намереваясь заткнуть его крик ударом. Но в последний момент передумал и, вместо того чтобы заглушить одно страдание другим, спокойно прикоснулся к голове ученика, снимая тянущую боль, превращая чужую слабость в свою Силу. В противовес бытующему мнению, что некромантия не способна ни на что, кроме убиения и поднятия мертвецов, эта магия обладала куда большими возможностями – начиная от снятия боли и заканчивая излечением тяжелых и даже смертельных ран.

Магия подействовала моментально. Боль быстро отступила, а темная пелена, стоявшая перед глазами, рассеялась. Первым, кого увидел мальчик, когда тьма истаяла, был учитель, сложивший на груди костяные руки. Арганус молчал, но и без слов было ясно, что он в ярости. Но не это сейчас заботило Сандро. Он перевел взгляд в глубь комнаты и увидел существо, способное затуманить своей красотой рассудок любого. Девушка с волосами цвета солнца, не шевелясь, лежала на кровати и смотрела на Сандро. Рядом с нею была еще одна девушка, но юный некромант старательно ее не замечал. Все его внимание было отдано рыжеволосой красавице. Он не мог отвести от нее взгляда: она покорила его сознание и разум, мысли и мечты, заставила слабое сердце полуживого некроманта то стучаться в невероятном ритме, то зами-

рать. Ему казалось, что нет ничего блаженнее, чем просто смотреть на девушку и наслаждаться ее неповторимой красотой...

Но блаженство длилось недолго:

– Убирайся. – Голос Аргануса прозвучал, словно гром посреди ясного неба.

Сандро вздрогнул, приходя в себя, и посмотрел в кроваво-красные глаза Хозяина. Их взгляды пересеклись. Казалось, еще чуть-чуть – и ученик победит своего учителя в незримой схватке, разорвет магические путы, связавшие с Хозяином, не выполнит приказа, останется рядом с девушкой и никуда не уйдет...

Но он покорно опустил взор и тихо прошептал:

– Я закончил работу над эликсиром.

– Иди в лабораторию, – приказал лич, и раб подчинился.

Перед уходом еще раз посмотрев на рыжеволосую девушку, Сандро молча проклял Хозяина и свою отвратительную внешность.

Арганус распрощался с наложницами, закрыл двери в келью на ключ и пошел следом за учеником.

* * *

Узкий туннель облюбовала ненасытная, всепоглощающая темнота.

Арганус спускался по ступеням неправдоподобно легко и быстро. Следом за ним, не успевая и напрасно пытаясь подстроиться под походку учителя, семенил Сандро. Вскоре они вышли в лабораторию, и непроглядная тьма сменилась ярким светом. Некромант прошел к рабочему столу и уселся в глубокое мягкое кресло. Взял в руки хрустящий пергамент и быстрым взглядом пробежал по новым заметкам.

– Зачем заклинание?

– Усиление действия газа: более прочная связь «цели» с «хозяином», более полный контроль над «мишенью», – отрапортовал ученик.

– Хорошо, – холодно похвалил Арганус. – Идеальный газ, превращающий людей в зомби...

– Простите, учитель, я не говорил, что человек становится зомби. Он остается собой, но превращается в безропотную куклу в руках Хозяина. Простите... – Сандро не мог позволить некромантам превращать людей в зомби, тем более с помощью собственных творений, но это вряд ли понравится учителю.

– Так даже лучше. Стоит монарху вдохнуть этот газ, и он станет безвольной марионеткой. Целая страна без войн и разрушений падет ниц, преклоняя колено перед силой Хельхейма.

Мертвая, всепоглощающая тишина окутала лабораторию. Сандро слышал удары собственного сердца, тихие потрескивания многочисленных свечей, но не слова хозяина: они пролетали мимо его ушей. Мальчик винил себя за непростительную глупость. Желая меньшего зла, он сделал большее. Лишний раз поставил под угрозу людское существование. И не важно, что нежить скована магическим куполом: людские маги не смогут поддерживать его вечно. Рано или поздно некроманты вырвутся на свободу и смогут воспользоваться изобретением.

– За хорошую службу принято вознаграждать. Проси чего хочешь... – приходя в себя, услышал ученик.

Мысли хаотично закружились в голове мальчика. Чего он хочет? Избавиться от рабских оков? Покинуть замок и вернуться к людям? Быть среди них изгоем?

«Уж лучше быть изгоем, чем рабом», – мелькнула отчаянная мысль. Сандро уже открыл рот, собираясь выпрашивать свободу, но вспомнил очаровательную рыжеволосую девушку, и ее обворожительный образ тут же предстал перед ним. Мальчик закрыл глаза и открыл их снова, помотал головой, пытаясь избавиться от наваждения, но рыжеволосая рабыня стала

лишь более явной – она ожила в его воображении, покорила своей красотой внутренний мир мальчика...

Ее лицо озаряла улыбка, девушка смотрела на некроманта без страха и ненависти. Она элегантно повела оголенным плечом. Выписала изящное «па» и пустилась в пляс. Она двигалась красиво и грациозно, она жила танцем, каждое вымеренное движение было продолжением бесконечной пляски.

Словно из ниоткуда, вокруг возникли люди. Море людей. Они, как и Сандро, наблюдали за плясуньей, хлопали в ладоши, на лицах каждого читались радость и веселье.

Но картина быстро перерисовалась. В одно мгновение растворились все люди, танцующая остановилась, улыбка пропала с ее лица – теперь на нем читались лишь грусть и усталость. Воображение скользнуло дальше: девушка сидела в темнице, жалостливо и умоляюще смотрела на некроманта через тюремные решетки.

– Я жду, – донесся издали голос учителя.

Сандро встрепенулся. Видение исчезло, но образ девушки продолжал жить в мыслях – мальчик не мог и не хотел расставаться с ним.

– Мне нужны рабыни, которых я сегодня видел, – потребовал Сандро, сам удивляясь своей просьбе.

– Мальчик повзрослел? – сверкнув глазами, выговорил Арганус. – Для любовных утех я найду тебе других, а эти будут принадлежать мне и дальше.

– Другие мне ни к чему, – стоял на своем Сандро.

– Торгаш! – повысил голос некромант, но быстро сменил гнев на милость: – Ты хорошо потрудился, они твои...

– Благодарю, учитель, – низко поклонился мальчик.

– В ближайшее время я буду занят. Если понадобишься – позову.

Арганус встал с кресла и торопливой походкой вышел из лаборатории. Он так и не вспомнил о провинности ученика, так ничего и не сказал про Зов. Сандро уже засомневался в том, что учитель вообще звал его: теперь ему казалось, что кто-то посторонний проник в его сознание, вызывая звук, отдаленно напоминавший Зов.

* * *

Как только силуэт Хозяина скрылся в темноте винтовой лестницы, Сандро подошел к рабочему столу, достал с внутренней полки короткий жезл, увеличивающий колдовские способности. Без особых усилий окунулся в магические потоки, проверил энергетические линии на момент недавней волшбы. С головой погрузился в переплетения различных аур, но так ничего и не обнаружил. Даже предназначенный для поисков жезл не выудил из эфирных сгустков никаких намеков на колдовство.

От досады Сандро отшвырнул бесполезную деревяшку в другой конец лаборатории. Повторил попытку без посторонней помощи – она далась гораздо сложнее, но результат не превзошел предыдущего.

Чародей не отчаивался. Собрался с силами, готовясь к третьей попытке, но его прервал усталый старческий голос:

– Боюсь, милейший, твои труды бесполезны.

Сандро окинул лабораторию молниеносным взглядом, даже просмотрел ее через магические потоки, пытаясь найти невидимого собеседника, но это ничего не дало. В зале никого не было.

– Кто ты? – спросил он пустоту.

– Ответ тебя немало удивит, – протянул неизвестный.

– Говори, меня нелегко заставить врасплох, – задрал подбородок, уверил Сандро.

– Что ж, я все же постараюсь: я тот, кто открыл три формулы Вечности, тот, кому ведомы пути между сферами бытия, тот, кто изобрел...

– Хватит загадок, – прервал Сандро монотонный говор собеседника. – Достаточно сказать имя.

– Тот, кто изобрел, – не обращая внимания на слова мальчика, продолжал невидимка, – эликсир бессмертия, тот, кто стал первым некромантом. Я – Альберт Трисмегист.

– Ты лжец, – не поверил Сандро. – Альберт умер второй смертью, и для него нет пути обратно.

– Я бы с удовольствием развеял твои сомнения, но недосуг, тем более что ты способен на это и сам, – продолжал заунывный голос. – Надеюсь, тебе доводилось слышать о Филакретии?

– Доводилось, – пробурчал Сандро и нарочно заговорил с интонацией лектора: – Некромант перед трансформацией оставляет часть своей души в кристалле, чтобы воскреснуть после смерти. Полная чушь.

– Отнюдь, – не согласился тот, кто назвал себя Трисмегистом. – Филакретия реальна, как ты или я. Если пошевелишь мозгами, то поймешь это без посторонней помощи.

Сандро невольно задумался, выживая из глубинки памяти все знания о трансформации в лица. Он уже и не помнил, в какой книге прочел эти строки, но они слетели с уст сами собой:

– Познавший абсолютное знание, способен воссоздать свою душу – если у него достанет сил – и поместить ее в «предмет», чтобы после смерти вернуться обратно...

– Но для этого ему нужен живой проводник, который сольется с «вернувшимся» в едином сознании, – закончил фразу Трисмегист и от себя добавил: – Ты стал моим проводником.

– Так это был твой Зов?! Ты меня чуть не убил! – возмутился Сандро, но, быстро взяв себя в руки, не спеша прошелся по лаборатории, обдумывая, что делать дальше.

– Таковой была плата за твою мертвую половину, но иначе я бы не прошел сквозь сферы.

– Это должно меня утешить? Мне не нужны ни ты, ни твои сферы. – Сандро поднял с пола короткий жезл и, зачерпнув энергии, прошептал кончиками губ изгоняющее заклинание.

Но не успела магия набрать силы, как чародей упал на колени, выпустил из рук оружие и что было мочи сжал голову. Тонкий, как струна, и острый, словно заточенная сталь, звук пронзил лабораторию, проник в каждый угол, каждую щель. Ввинтился в сознание чародея грубой силой, немилосердно прибил к полу, скрючивая некроманта в три погибели.

– Хватит! – вскрикнул мальчик, и словно по команде звук утих, растворился так же быстро, как и возник.

– Не терпишь боли, юный некромант? – прошуршал в голове уже знакомый голос.

– Почему магия не подействовала? – едва справляясь с последствиями боли, прорычал чародей.

– Подействовала, – опроверг Трисмегист, – но попытки изгнать меня тщетны.

– Но... ясно, – догадался мальчик, с трудом поднялся на ноги и, гордо выпрямив спину, прошел к стеллажам. – Я изгнал тебя, но это и впрямь бесполезно: ты будешь возвращаться до тех пор, пока цела Филакретия, и каждое возвращение будет для меня болезненной пыткой. Но ведь Филакретия – всего лишь книга... – Рукой из плоти и крови Сандро вытащил с полки тяжелый фолиант. Прошептал заклинание, и мертвую ладонь окутало магическое пламя.

– А книги – хрупкий материал, – ухмыльнулся чародей.

– Стой! – вскрикнул доселе спокойный и расчетливый дух. – Поразмысли: трактат не должен лежать на полке, ты его уронил на...

– Мне это не интересно, – отмахнулся Сандро и поднес к фолианту охваченную огнем кисть.

В тот же миг запахло паленым. Но даже магическое пламя не справилось с твердым переплетом. Кожа зашипела, медленно обугливаясь, нехотя поддаваясь огню.

– Сандро! – воскликнул Трисмегист, и чародей повернулся на зов. Заметил мчащийся на него жезл – и в тот же миг ощутил тяжелый удар. Словно подкошенный, он повалился на пол, в глазах потемнело, комната заходила ходуном, потом поплыла... Закончилось все тем, что ее окутал полный мрак.

* * *

Вскоре зрение прояснилось, открывая мальчику неправдоподобную картину: вокруг его рук и ног быстро заплеталась в несколько узлов светящаяся пеньковая удавка. Казалось, сама собой. Без чьей-либо помощи. Да, и магией в лаборатории не пахло. Все выглядело так, словно некий дух сковывает веревкой своего пленника.

Сандро попытался пошевелиться, но ничего не вышло. Недолго думая, он сплел заклинание, которое должно было освободить от оков, но и оно не помогло.

– Не мучайся, магия неактивна, – донесся из ниоткуда голос духа.

Сандро тяжело вздохнул и как можно спокойнее спросил:

– Что ты со мной сделал?

– Связал, – констатировал и без того очевидный факт Трисмегист, после чего уточнил: – Нитью Ориона. Она блокирует твои магические способности.

– Откуда она здесь? – Некромант выкручивал руки, пытаясь ослабить узлы, но вместо этого веревки еще сильнее сдавливали кисти.

– Видимо, ты забыл, что Бленхайм – мой замок, моя вотчина. Испокон веков Нить вили только здесь, а схроны и тайники известны лишь мне – и никому больше, – нарочито важно ответил Трисмегист.

– Забыл, не забыл – какая разница? – Сандро пыхтел от злости, закипал, словно чан с бурлящей водой, ворочался, елозил по полу, безрезультатно пытаясь освободиться. А Нить Ориона лишь крепче сковывала запястья.

– Не крутись! Этим ты сделаешь только хуже, – запоздало предупредил дух, когда веревка уже впиалась, будто стальная проволока, в запястья, рвано раздирая кожу и плоть на левой руке.

– Чего тебе надо? – скрипнул некромант зубами от безысходности и боли.

– Ситуация не идеальная для просьб, но мне нужна твоя помощь.

– И поэтому ты меня связал?

– Ты меня вынудил: чуть не сжег Филакретию, – напомнил Трисмегист. – Я освобожу, если ты поклянешься помочь.

– Помочь? В чем? – спросил Сандро, думая не об исполнении клятвы, а о том, как избавиться от заколдованных веревок.

– Не в чем ином, как в уничтожении некромантов.

– Ты ничего не напутал? Я и есть некромант, – съязвил Сандро, скрывая за язвительностью злобу и слабость. Он едва сдерживался, чтобы не впасть в истерику или – того хуже – разрыдаться.

– Ты отличаешься от них. В тебе немало – очень немало – осталось от человека.

– Ага, ровно половина. – Мальчик тщетно выворачивал руки, лишь сильнее раздирая кисть, но не мог заставить себя остановиться, не мог не вырываться: жажда свободы глубоко укоренилась в рабском сердце.

– Твоя душа не изменилась после трансформации. В отличие от личей, ты не стал ненавидеть живое.

– Я ненавижу *немертвое*, – до хруста стиснул зубы Сандро.

– Именно поэтому я и прошу тебя о помощи...

– Отпусти! – взревел некромант, не вытерпев боли.

– Поклянись помочь.

– Клянусь! Отпусти! – теряя самообладание, еще громче закричал мальчик.

Веревки ослабли словно под действием волшебства. Упали на пол и змейками поползли к стеллажам. Чародей мутным взглядом проследил за Нитями Ориона и не поверил своим глазам, когда они вползли в стену, скрываясь в толще камня.

Мальчик лежал, не шевелясь. Силы покинули его, изменили: заколдованные веревки, будто вампир, высосали их без остатка. Единственным, что еще повиновалось некроманту, был его голос.

- Дух! – позвал Сандро.
- Трисмегист, – поправил невидимка.
- Без разницы, – отпарировал некромант. – Мне нужен эликсир, чтобы вернуть силы.
- Какой?
- Красный... – недовольно буркнул мальчик и добавил: – С надписью «sucus».
- Жди, – выговорил Трисмегист и надолго замолчал.

Сандро ждал, а сил с каждым мгновением становилось все меньше: Нить Ориона отравила мага, медленно, но уверенно вытягивала из него энергию. Сандро ждал, а Трисмегист все не объявлялся: он словно рассеялся в воздухе, перестав существовать.

Спустя несколько необычайно долгих минут дух все же заговорил:

- Не выходит. Филакретия нестабильна. Пока ты слаб, у меня тоже нет сил.

Мальчик с трудом вник в слова Трисмегиста, но уже не обратил на них должного внимания. Он сосредоточился на израненном запястье, которое болело так, словно ему в одночасье испарывали плоть и прижигали рану каленым железом.

- Ты умираешь. – В извечно спокойном голосе духа зазвучали нотки волнения.

- Я уже умирал – это не страшно, – криво улыбнулся Сандро.

– Если умрешь – станешь полноценным личем, – предупредил Альберт. – Соберись и залечи рану.

- Нет сил, – промямлил мальчик в ответ.

- Соберись, – твердил свое Трисмегист.

- Твои веревки опустошили меня вчистую, – без злобы и укора протянул некромант.

Мальчика то знобило, то лихорадило, иногда он корчился в приступе боли, иногда расслаблялся в блаженном покое.

- Я же предупреждал, чтобы ты не шевелился, – оправдывался сам перед собой дух.

Секундой позже он решил взять ситуацию в свои руки и невидимым потоком скользнул в тело мальчика.

Сандро уже не принадлежал себе, но чувствовал мертвецкий холод, окутывающий морозной пеленой, выгоняющий жар и слабость, придающий бессмертной бодрости. Силы вернулись всего на мгновение, но этого мгновения хватило, чтобы произнести исцеляющее заклинание.

Рана быстро затянулась, покрылась темно-багряной кромкой. Но запястье все еще пылало невыносимым пламенем – даже холод мертвеца, обуявший изнутри, не избавлял от жжения.

Неосязаемый дух выполз наружу, и ледяные оковы разрушились, привычное тепло вернулось в ослабевшее тело.

– Спа-си-бо, – с трудом разлепляя ссохшиеся губы, прошептал Сандро. Если бы не мертвая половина его тела, он бы не выдержал истощения, потерял сознание. Но сущность скелета увереннее принимала боль, не позволяя погрузиться в забытие.

– Прошу прощения, – проговорил монотонный голос. – Контактируя с кровью мага, Орион поглощает силы. Я не предполагал, что зайдет так далеко.

– Спаси-бо за по-мощ-щь, – протянул мальчик, перевалился набок и с трудом поднялся на четвереньки. Медленно, но уверенно прополз к полкам с алхимическими ингредиентами. Прижимаясь к стеллажам, встал на ноги. Окинул изобилие зелий и микстур быстрым взглядом и, выбрав необходимую колбочку, опустошил ее одним большим глотком.

Силы вернулись едва ли не сразу. Приятным теплом разлились по организму. Сандро расправил плечи, выпрямил спину, сделал несколько неуверенных шагов. Убедившись, что сил прибавилось, более уверенно прошелся по комнате. Посмотрел по сторонам, забывая, что Трисмегист неосязаем, и проговорил:

- Больше меня не связывай. И я книгу жечь не буду.
- Оригинальное начало партнерства, – монотонно пробубнил Трисмегист.
- Оригинальное, – согласился Сандро и невольно расплылся в добродушной улыбке: – Надеюсь, оно будет еще и плодотворным.

* * *

– Как тебе удалось исцелить «яд» Ориона? – не отрываясь от изучения книги, спросил Сандро пустоту, и она ему ответила:

- Я друид, мне ведома магия природы и жизни.
- Интересно, а магия жизни сможет вернуть мне людской облик? – не сильно надеясь на положительный ответ, все же спросил Сандро.

– Увы, нет, – отозвался Трисмегист. – На тебе печать темной материи – проклятие некромантов. Обычная магия тут бессильна.

– Я и не сомневался, – ничуть не огорчился мальчик, продолжая как ни в чем не бывало читать книгу, повторяя про себя магические формулы.

– Но эликсир жизни на это способен.

Мальчик отвлекся от книги и заинтересованным взглядом посмотрел по сторонам. Вспомнив, что не увидит собеседника, заговорил с пустотой:

- Ты сможешь его сделать?
- Я синтезировал его в течение всей своей жизни, но так и не преуспел.
- Тогда что толку говорить об эликсире, если его не существует?
- Почему же? Благодаря Амагрину Овену он существует, но формула известна только ему, – обнадежил дух.

– И он, конечно же, за пределами Хельхейма, – снова погружаясь в чтение, безразлично протянул Сандро.

- Да, но кто тебе мешает покинуть страну мертвых и найти Верховного друида?
- Магия Хозяина: я раб и не могу пойти против приказов Аргануса.
- Ты алхимик и с немалой вероятностью можешь изобрести соответствующий эликсир – зелье, блокирующее призывную магию лича.

– Не все так просто. – Сандро встал с кресла и прошелся по лаборатории, остановился у реторт и конденсаторов, погладил их мертвой рукой, словно они были домашними животными. – Я почти пять лет бьюсь над этим зельем, но результат по-прежнему оставляет желать лучшего.

– Пять лет – не срок для бессмертного. У тебя есть время, неограниченное количество времени, а теперь появился еще и помощник. Вместе мы сможем воссоздать это зелье.

– Не пойму: зачем это тебе? Каков твой интерес? – в очередной раз окинув комнату быстрым взглядом в поиске собеседника, спросил некромант.

- Амагрин мой ученик. Я надеюсь, что он поможет не только тебе, но и мне.
- Почему бы тебе не пойти к нему самому?
- Есть ряд причин. Во-первых, мне не пройти через «купол», во-вторых, я привязан к книге...

- Откуда ты знаешь про «купол», если умер до того, как он появился? – прервал Сандро.
- В-третьих, я привязан к тебе и твоему сознанию, – закончил дух.

– Хорошо, ты меня убедил, – сдался мальчик. – Помощь никогда не бывает лишней, даже если эта помощь незрима. Но сейчас у меня несколько другие планы. Мы продолжим наш разговор позже.

Сандро прошел в дальний угол лаборатории, где покрывался пылью старинный платяной шкаф. Скинул с себя серый, потрепанный временем плащ, открыв на мгновение изуродованную темной магией сущность. Извлек из гардеробной черный, как безлунная ночь, кожаный камзол. Надел его. Аккуратно, едва ли не педантично застегнул все крючки, закрутил завязки. Затем выудил черный плащ и перчатки.

– Штаны переодень, – с легкой издевкой напомнил Трисмегист.

Сандро злобно зыркнул по сторонам, но ничего нового не увидел.

– Не забуду, – прошипел мальчик, снимая штаны и натягивая другие.

– Куда собрался-то? – поинтересовался напоследок друид.

– Куда надо, – отмахнулся Сандро. Бросил на прощанье скупое: «До скорого», – и скрылся в темном туннеле винтовой лестницы.

Глава 3

Узники Замка

В молчании небес поникших,
Среди покошенных полей
Ты для Любви своей погибшей
Воздвигни черный Мавзолей.
И с Памятью своей прилежной,
Что в Прошлом всегда глядит,
Ходи туда все реже... реже...
Потом совсем не приходи.

«Мертвая любовь». Влад Пит

Сандро застыл у дверей. Ему хотелось войти, но незримое препятствие, которое разделяло его и людей, каждый раз заставляло оставаться на месте. Он уже несколько раз тянулся к ключу навесного замка, но каждый раз отдергивал руку. Продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

В конце концов собрав всю уверенность в кулак, накинув на лицо капюшон, провернул ключ и молнией шмыгнул в темницу своих рабынь.

Как только оказался внутри, сдернул капюшон, который от резкого движения навис на глаза и мешал видеть. Осмотрелся.

В небольшой комнате царил уютный беспорядок, пахло домашним теплом и нежным ароматом жизни. Взгляд мальчика скользнул по громоздкому будуару с надтреснутым зеркалом. В суматошном хаосе на нем застыли предметы женского туалета и догорающая свеча в посеребренном подсвечнике. Игривый мерцающий огонек призрачно освещал покои девушек, не в силах разрушить приятного полумрака. На полу лежала неряшливо раскиданная одежда, так и не нашедшая дороги к широкому шкафу, который занял немаленькое пространство в дальнем углу. Остальное место занимала двуспальная кровать, на которой, обнявшись, спали две сестры.

Кругом властвовала тишина, лишь мерное дыхание спящих нарушало полный покой.

Некромант прислонился к двери и медленно сполз к полу, усаживаясь на холодный камень. Рефлекторно опустил на лицо капюшон, скрываясь за его краями от мира. Черные одеяния превратили мальчика в неразличимый комок, и безликое свечение воскового огарка

не могло разрушить окутавшую его тень. Он и сам стал тенью, потерявшейся в собственных мыслях и не желающей видеть никого и ничего. Сандро хотел жить, хотел быть настоящим человеком, но между ним и людьми ширилась необъятная пропасть. Даже умение спать по ночам для мальчика было в диковинку: он утратил этот дар вместе с частичкой себя. Все, что ему оставалось, – это наблюдать за мирным сном двух сестер, вспоминать времена, когда мать пела ему на ночь колыбельные, и сожалеть о том, что уже нет ни матери, ни снов.

Рыжеволосая девушка открыла глаза. Поднялась на локте и пробежалась взволнованным взглядом по комнате.

– Кто здесь? – испуганно спросила она, инстинктивно чувствуя на себе чужой взгляд.

Сандро не ответил. Он не знал, что ответить.

Девушка неуверенно сползла с кровати. Подошла к будуару и взяла подсвечник в виде небольшой лодочки, подняла его выше, чтобы свеча ярче озарила комнату.

– Не бойся, – пошевелился Сандро. Энин тихо ойкнула и выпустила подсвечник из рук.

Тишину разрушил секундный звон, и словно по сигналу комнату окутала крошечная тьма.

Сандро неспешно встал. Он видел в темноте так же отчетливо, как и при свете, но не решился этого показывать, чтобы не испугать девушку еще больше. Шепнул неразборчивую фразу, и над рукой возник едва заметный огонек, дающий, тем не менее, достаточно света.

Некромант медленно прошелся по комнате, выискивая девушку, но ее нигде не было – она словно растворилась в воздухе, исчезла. Мальчик еще раз огляделся, но так и не нашел пропажи.

Ее выдало неловкое движение – исчезающе тихий, едва различимый шелест, который в один миг вырвал Сандро из туманной задумчивости.

Он повернулся на звук и увидел девушку, которая сидела на полу, забившись в узкую щель между шкафом и стеной. Сандро медленно, не делая резких движений, подошел к ней. Присел на корточки и тихо, едва слышно прошептал:

– Не бойся, я не сделаю тебе зла.

Девушка испуганно смотрела на пришельца в черных одеяниях, лицо которого скрыл темный, как ночь, капюшон, плотнее прижималась к стене, напрасно пытаясь быть дальше от позднего гостя. Она сейчас походила на слабого и незащитного котенка, у которого страх и боязнь поглотили все другие чувства.

– Кто ты? – с трудом совладав с голосом, спросила она. Незаметно покосилась на спящую сестру и невольно пожалела, что не может оказаться с ней рядом.

– Я Сандро, твой новый хозяин, – выговорил он, чувствуя, что перегнул палку. – Скажи свое имя. – Он поймал себя на мысли, что мало преуспел в общении.

– Энин, – отчеканила девушка.

– А вторую? – некромант кивнул в сторону спящей.

– Анэт.

– Рад. Знакомству... – несколько сбивчиво проговорил мальчик, понимая, что пять лет вдали от людей напрочь стерли умение общаться с ними. – Как вам живется в замке? – глупо спросил он, пытаясь хоть как-то разрушить застоявшуюся тишину.

Энин молчала – она не знала, что ответить, не знала, что хочет услышать новый хозяин.

– Не играй в молчанку, – немного рассердился Сандро, но вовремя взял себя в руки: – Вам с Анэт что-то надо? Все ли у вас есть?

Девушка опять не ответила: она не понимала мотивов повелителя.

– Хорошо, – недовольно выговорил некромант и грубо взял Энин за руку. – Пойдешь со мной. – Он рывком поднял девушку с пола, и с тонкого изящного тела соскользнуло легкое покрывало, открывая маняще-стройную нагую фигуру.

Сандро отвел взгляд.

– Оденся, – приказал он и отпустил девушку.

Энин испуганно посмотрела на некроманта. В душе кричали злость и обида, но узница не проронила ни слова. Потерла запястье, которое с немалой силой сдавил некромант. Безропотно подчиняясь, вихрем пронеслась по комнате, собирая разбросанную одежду. Только она накинула на хрупкие плечи легкое атласное платье, как в тот же миг некромант, повернувшись, взял ее под руку. На этот раз его хватка не была так крепка и не причиняла боли, прикосновение казалось теплым и живым.

– Идем. – Сандро погасил огонь в правой руке и уверенным движением открыл двери из кельи. Беспардонно потянул за собой испуганную девушку. Она искусственно сопротивлялась, понимая, что упорство бесполезно: некроманты привыкли брать то, что хотели, и противостоять им бессмысленно.

– Да не бойся ты, – нервно пробурчал Сандро, выводя рабыню к широкой лестнице, которая делила замок Бленхайм на две равные половины. – Я хочу показать... кое-что, тебе понравится... обязательно. Обещаю, – некромант объяснял сбивчиво, ломкими фразами, словно что-то скрывая, и эта таинственность возбуждала в воображении девушки страшные и извращенные картины.

Но опасения Энин оказались напрасными.

Сандро, минуя сотни ступеней и посты охраны – закованных в доспехи скелетов, – вывел девушку на широкую балконную террасу, обвитую по краю резной балюстрадой. Идеально-округлую форму плаца разрушал небольшой выступ, на котором, словно осенний гриб, выросла беседка.

Сандро не раздумывая потянул Энин к одинокой постройке, укрытой разросшимся плющом. Неэлегантно, не руководствуясь правилами приличия, усадил ее на мраморную скамью.

– Смотри! – воскликнул некромант, резко разворачиваясь и вытянутой рукой указывая направление обзора.

Девушка невольно подчинилась. Ее взгляд остановился на далекой, одиноко стоявшей скале, которая неподвижным изваянием нависла над густым туманным лесом. Из монолита горы, величественно раскинув крылья и широко разинув пасть, вырос исполинский дракон. Изваянный из камня, сам являющийся продолжением скалы, он казался настолько явным и реальным, что невольно верилось, будто множество веков назад исполин уснул у одинокой горы и слился с нею воедино.

Над головой окаменевшего ящера медленно всплыл алый диск солнца, казавшийся в ранних лучах огнем, рожденным в пасти величественного существа. Утренний светоч кротко коснулся драконьего тела, вырисовывая на испещренном камне иллюзию чешуи. Когтистые лапы утонули в зеленом покрывале леса, потерялись в бледно-серой дымке тумана, придавая зрелищу еще большую таинственность.

Энин восхищенно смотрела на удивительную картину и не могла отвести взгляда.

– Красиво? – удовлетворенно спросил Сандро.

Девушка долго молчала, все еще не веря, что некроманту можно доверять. Но ее страх быстро растворился в рассветных лучах, и тонкий голосок сам собой зачаровано промямлил:

– Да...

– Я же говорил, что тебе понравится, – усмехнулся мальчик, в душе радуясь своей идее привести сюда девушку, но в одно мгновение улыбка сменилась угрюмой задумчивостью: – Ты меня боишься?

Энин оторвала взгляд от «дракона» и с каплей испуга посмотрела на неизвестного в черных одеяниях. Ответ комом встал в горле. Да, она боялась, но стоило ли об этом говорить? И пусть, в отличие от некроманта-предшественника, новый хозяин не излучал столь ярких злобы и ненависти, но и привыкнуть к безликому владыке за столь короткое время Энин не могла.

– Боишься? – наседал мальчик, в душе понимая, что лишним напором отталкивает от себя девушку.

– Я даже лица твоего не видела, – резко вставила Энин и в тот же миг замолчала, прикрыв рот ладонью.

Сандро неуверенно потянулся к капюшону, взялся за полы, но так и не сдернул с лица черную вуаль.

– Тебе не надо меня видеть. Это зрелище не из приятных. – Сандро отвел взгляд и уставился на каменного дракона.

Неумолимое солнце поднялось выше, встало рыжим негреющим стражем над горой. Тени скрыли былую красоту исполина, превратили его очертания в обычный испещренный трещинами камень.

– Я немало повидала, – сказала Энин, поднимаясь со скамьи. Она заметила неуверенность хозяина и начала вести себя смелее.

Сандро сомневался. Он боялся своей внешности как огня, который его изуродовал, ненавидел как некромантию, которая превратила его в уродливое нечто.

– Нет, – отрезал Сандро, – не сейчас.

– Пока тебя не увижу, не смогу сказать, боюсь или нет, – пошла на уловку Энин.

– Вернемся к разговору позже. У нас еще много времени, – ответил он, возвращая голосу привычную твердость.

– Но... – запнулась на полуслове рабыня. Хозяин потерял былую неуверенность, опять стал холоден, как зима.

– Что «но»? – бездушно спросил некромант.

– Нет, ничего, – замотала головой девушка.

– Говори не боюсь, – настаивал Сандро.

– Но я боюсь! – Энин не сдержала рвущегося потока эмоций, сказала непростительно грубо. – Боюсь изо дня в день, уже целый год! Каждый день для меня – это страх и ненависть! Страх и ненависть... каждый день...

Девушка замолчала – она высказала скопившиеся переживания, выбросила их в мир и получила обратно тишину и покой, тоску и жалость к самой себе. В тот же миг почувствовала, как запоздалый страх сковывает ее своими сетями, обволакивает сердце и душу тревогой. Она была наедине с некромантом, изуродованным темной магией существом. Она говорила с ним непростительно грубо: мертвые за такое могли и убить, – но осознание этого пришло слишком поздно. В глазах выступили слезы, она прикрыла руками лицо. Тихо всхлипывая, присела на твердую мраморную скамью – ноги не держали.

Мальчик посмотрел на девушку из тени капюшона и обозлился сам на себя за то, что не умеет говорить с людьми, что не разбирается в их эмоциях и чувствах. Пять лет вдали от жизни, пять долгих, пропитанных злобой, страхом и покорностью лет... они оставили неизгладимый отпечаток. Сандро был далек от живых, не знал их законов и привычек, не знал, как с ними разговаривать и вести себя. Он не понимал ничего, что связано с людьми, он жил в другом мире, где не было и не могло быть людского. Его жизнь сковали рабские путы, и ничего, кроме глубокой ненависти ко всему, что его окружает, он не ощущал. Не ощущал до того момента, пока не встретил рыжеволосую девушку. Она запала в сердце, проникла в самую душу. И ему больше всего на свете хотелось быть ей приятным, хотелось, чтобы она не боялась его, не презирала, как других некромантов. Но как этого добиться. Как?! Всего один вопрос вызывал бурю эмоций, бурю, которую мальчик сдерживал в себе много лет.

Сандро опустил на колени. Вплотную придвинулся к девушке, пытаясь посмотреть ей в глаза.

– Тише, – сухо приказал некромант. – Я не хочу видеть твоих слез. – Он научился скрывать свои чувства, скрывать даже от себя самого. Но сегодня не хотел этого делать. Он слиш-

ком долго сжигал злость внутри себя, слишком глубоко спрятал способность любить, и сейчас она вернулась, наверстывая все упущенное.

– С сегодняшнего дня тебе ничто не угрожает. Тебе нечего бояться, ты под моей защитой.

– Я тебя боюсь, – всхлипывая, выпалила девушка.

Сандро снял капюшон, открывая изуродованный облик. Правая сторона челюсти, глазная и височная кости – все это было лицом скелета, но когда-то он был симпатичным парнишкой: это доказывала левая часть – из плоти и крови.

Девушка убрала руки с заплаканных глаз, посмотрела на ужасного хозяина, на темно-зеленые глаза, в которых стояли скупые слезы. Его взгляд, его несчастный и добрый взгляд не вызывал страха, пробуждал лишь жалость и сострадание.

– Ты... ты сын некроманта? – ломким голосом выговорила Энин.

– Я его ученик. Мои родители погибли, – с душевной тяжестью выговорил мальчик. Его слова были переполнены печалью и тоской, и хладнокровный голос уже не смог этого скрыть.

– Что с твоим лицом? Кто ты такой? Некромант или человек? – намертво скрывая сочувствие, выговорила девушка.

– Мой дом сгорел вместе с родителями. Я остался жить, но огонь изуродовал мое лицо до неузнаваемости. Я чуть не умер, но, возможно, смерть была бы лучше, чем подобная жизнь. Меня забрал некромант: он знал о моих магических способностях, поэтому и увел в свой замок. Люди не перечили – все знали, что жить мне осталось недолго. Но я не умер окончательно. Хозяин воскресил меня, воскресил еще до смерти, поэтому во мне осталась людская часть, но лишь часть. Теперь я узник, раб и ученик Тьмы.

– Это ужасно, – содрогнулась от всего услышанного Энин.

– Уже привычно, – опустил взгляд Сандро.

– Мне жаль тебя... – Энин замаялась, не зная, как обратиться к мальчику. После секунды замешательства, выпалила: – Хозяин. – Она жалела его и в этом не лгала, но ненависть к некромантам слишком глубоко укоренилась в ее сердце.

– Сандро, – нахмурил единственную бровь некромант. – И не надо меня жалеть: у тебя судьба не слаще. Но я постараюсь ее изменить...

– Как? – не поверила Энин.

– Я сделаю так... я постараюсь сделать так, чтобы ни тебе, ни твоей сестре не пришлось больше жить в страхе...

– Как? – повторила свой вопрос Энин.

– Ты это увидишь – скоро, очень скоро, – уверил Сандро. – А сейчас... идем обратно.

Сандро подал руку, вспоминая, что так должны делать мужчины, но Энин встала без помощи. Мальчик не обратил на это особого внимания, привычными размашистыми шагами пошел прочь с балкона.

– Если ты не против... – выговорил Сандро, накидывая капюшон. Так он чувствовал себя увереннее.

– Не против, – запоздало ответила Энин и покорно пошла следом за некромантом.

* * *

Мальчик остановился у входа в келью, вытащил из замка ключ и протянул его Энин.

– Теперь ты сама решаешь, узница ты или нет. Можешь свободно выходить из комнаты.

– Ты не боишься, что я сбегу? – принимая ключ, спросила девушка.

– Я бы не советовал этого делать. Слуги Аргануса никого не выпускают за крепостные стены. С недавних пор и меня.

– Значит, я по-прежнему узница, но не кельи, а замка.

– Большого разрешить не могу. Я и сам узник.

– Спасибо и на этом, – сухо поблагодарила Энин. – А сестра может выходить?

– Да, – коротко ответил Сандро. – Виды внутри не самые лучшие, зато снаружи есть места покрасивее. Только не приближайтесь к крепостным воротам – это небезопасно.

– Хорошо, – Энин опустила взгляд. Мальчик и впрямь пытался помочь, но эта помощь не значит ровным счетом ничего. Он увеличил привязь, но ошейник все так же сковал свободную душу.

– Мне надо идти, мы увидимся немного позже. До встречи, – попрощался Сандро и ушел, не дожидаясь ответа.

Энин молча проводила мальчика сочувственным взглядом и тенью скользнула в комнату, где уже ждала взволнованная сестра.

* * *

– Где тебя носило? – нервно спросила Анэт, за недовольным голосом скрывая испуг и волнение. – Как ты смогла уйти?

– Сюда приходил некромант. У нас появился новый хозяин. Я была с ним, – едва дрожащим голосом пояснила девушка.

– Что он с тобой делал? – напористо спросила Анэт.

– Ничего.

– Что с тобой? Ты вся дрожишь, – приблизившись вплотную к сестре и обняв ее за плечи, поинтересовалась Анэт.

– Ничего... – твердила свое Энин.

– Он что-то с тобой делал? Говори честно. – Анэт выговорила так, словно могла бы защитить сестру, отомстить за нее некроманту.

– Ничего, честно, – промямлила в ответ Энин. – Он водил меня на балкон замка, показывал каменного дракона. Это было дивное зрелище, тебе тоже стоит увидеть, – посоветовала она уже более уверенным голосом. Страх медленно отступал: невольно девушке верилось, что новый хозяин не ужасный монстр, а вполне беззлобный мальчик.

– Мы узницы, ты не забыла? Я не смогу выйти из комнаты, – напомнила Анэт, наконец избавившись от ненужных переживаний: с сестрой все в порядке.

– Смотри. – Энин разжала кулак, в котором лежал проржавевший ключ. – Некромант отдал его мне.

– Ключ? Ключ от нашей темницы? – догадалась Анэт, невольно удивляясь увиденному. Не дожидаясь ответа, с трепетной надеждой продолжила: – Мы свободны?

– Не совсем, – огорчила сестра. – Мы можем ходить по замку, даже выходить из него, но скелеты некромантов стерегут крепостные ворота – за них нам не пройти.

– Это все как-то странно, – задумчиво протянула Анэт. – Мне не верится в доброту нового хозяина.

– Почему? – глупо спросила Энин.

– Ты не знаешь некромантов? Они ничего не делают необдуманно. Ключ – всего лишь приманка. Он надеется, что мы сбежим, решил выманить нас из замка. Но для чего ему это? Может, хочет превратить в нежить?

– Неправда, он... он не такой, как другие некроманты, – сказала Энин и сама не поверила тому, что говорит. После секундного молчания, пошла на попятную: – Мне так показалось, сперва. Хотя он... ты права, некромантам нельзя верить.

– Моя наивная сестричка. Ты все еще веришь словам. – Улыбнувшись, Анэт обняла сестру, прижала к себе. – Тебе надо было ходить в храмовую школу со мной – там учили не только чистописанию, но и логике, истории, другим наукам. Эти знания помогают в жизни, не дают совершить опрометчивый шаг.

– Ты права, я слишком доверчива, – согласилась Энин. – Что ж поделать, кто-то должен был следить за братом, и у меня не было времени сидеть за книгами.

– Я могу научить тебя сейчас, – предложила Анэт. – А о некроманте забудь. Все они одинаковы, все как один злы и коварны.

– Хорошо, – опять согласилась сестра. – Я сделаю, как ты советуешь: забуду о сегодняшнем дне, как об очередном кошмаре. А учение... зачем оно мне?

– Знания никогда не бывают лишними, – вставила Анэт реплику наставницы, которая начинала каждый новый урок именно с этой фразы. С этими словами, девушка подошла к будуару и выудила из внутренней полки дневник с переплетом из бычьей кожи – подарок отца.

Энин недовольно посмотрела на книгу. Ей было неприятно все, что связано с именем предавшего их родителя. Она никак не могла смириться с тем, что родной отец продал ее и сестру в рабство – она ненавидела его люто, неизгладимо.

– Не обращай внимания на дневник, глупышка, – сказала Анэт, замечая неодобрительный взгляд сестры. – Это всего лишь книга, духи в ней не живут. Считаю ее источником знаний, а не подарком отца, – без труда догадавшись в чем причина недовольства, убеждала она.

Пересилив себя, Энин подошла к будуару и села в одно кресло с сестрой. Внимательно посмотрела на незнакомые завитки и закорючки, которые Анэт называла чистописанием.

– Это Райдо, – указала та на завихристый символ и пояснила: – Он означает «распутье». Это Лагуз – «интуиция», а это Йер – «удача». Если прочитать все вместе, то получится «Распутье – интуиция, удача», а если расшифровать символы, выйдет приблизительно так: «Пребывая на распутье, полагайся на интуицию или удачу».

– Я ничего не понимаю, – уставившись на письма округлившимися глазами, скривилась Энин.

– Не все сразу, со временем поймешь, – утешила Анэт, заново разъясняя построение рун.

– Я все равно не понимаю, это все слишком сложно, – выговорила Энин, в недовольстве отворачиваясь.

– Повторение – мать учения, – вновь произнесла Анэт слова наставницы. – Не все дается сразу. Я поняла грамоту только к концу обучения... – приободрила она сестру. – Главное – не останавливаться на достигнутом.

– Хорошо, – быстро сдалась Энин и вернула взгляд в книгу. – Объясняй свою грамоту.

Анэт широко улыбнулась, даже в этом копируя свою наставницу. Указала на изогнутую руну и продолжила урок:

– Это Гебо, что значит «партнерство»...

* * *

В двери постучали. Но девушки не успели сказать ни слова, как к ним в покои вошел одетый во все черное некромант.

– Идите за мной, – приказал он, сам не замечая, что перенимает манеру общения своего учителя.

– Куда? – не скрывая ненависти, грубо спросила Анэт.

– Увидите, – пространно объяснил некромант. – И поторопитесь. Нет времени.

Сестры переглянулись. В глазах Анэт так и читалось: «Я тебе говорила: он такой же, как и другие». Энин отвела взгляд. Нравоучения сестры ей надоели едва ли не больше, чем козни некромантов.

– Быстрее, – подгонял Сандро. От волнения слова не связывались в длинные предложения. – Вам нечего бояться.

Подавая пример, Энин первой вышла из комнаты. От юного некроманта не веяло злобой, девушка уже не боялась нового хозяина, странным образом верила его словам – хотела им верить.

Анэт проводила сестру недовольным взглядом, не понимая, почему Энин, словно заколдованная, смело и безропотно выполняет приказы черного мага. Анэт хотела остановить ее,

в сотый раз объяснить, что некромантам не стоит верить, но Энин была уже за порогом, а застывший в дверях хозяин одним своим видом давал понять, что времени на долгие раздумья у нее не осталось. Обругав в душе сестру самими нелестными словами, которые только знала, Анэт отправилась следом за ней.

Некромант закрыл двери и, обогнав девушек, пошел впереди, указывая им дорогу. Он шел быстро, часто оборачивался и подгонял сестер. Девушки семенили за ним мелкими шажками, едва поспевая за резвой походкой некроманта. Сандро вывел спутниц к уже знакомой лестнице, но на этот раз повел вниз по ступеням. Вокруг, словно истуканы, стояли стражи замка – изувеченные темной магией покойники – и безразлично наблюдали за шедшими. Миновав несколько постов охраны, пройдя лабиринтом узких коридоров, Сандро остановился у широкой двери, на которой были вырезаны странные символы. Дождавшись, когда рабыни поравняются с ним, пояснил письмена:

– Банная комната, – сказал он и вошел внутрь, оставив двери распахнутыми.

Из комнаты валили клубы горячего пара. Стены запотели от конденсата, пол был неправдоподобно холодным и мокрым. Комнату освещали десятки ярких свечей, которые не чадили и не гасли от излишней влажности.

– Свечи магические – не сгорают, не коптят. Не бойтесь их потушить, это вам вряд ли удастся, – опять пояснил Сандро. В душе он радовался своей идее с купанием, понимая, какая это диковинка для пленниц.

– Принадлежности для купания там, – указал мальчик на небольшой круглый стол, где стояли миски с маслами и древесной золой, добротной смешанной с жиром, с ними по соседству разлеглись ерши и губки, свернутые полотенца и свежие одежды. Секундной позже Сандро провел рукой, указывая в другой конец комнаты: – В камине греется вода. Дрова магические, тепла дают много, но горят медленно, так что хватит надолго. Холодная вода там. Ведра и ковши здесь. Слив для «второй» воды в углу. Что-то еще нужно? – спросил он, глядя на девушек.

Сестры смотрели на некроманта с немим удивлением. Горячие ванны были привилегией королей, и девушки не верили собственным глазам.

– Чего еще надо? – повторил свой вопрос Сандро и невольно пожалел, что сказал слишком грубо. Попытался сказать учтивее, но малоуспешно: – У меня дела. Я не смогу принести вам недостающее, если не получу ответа сейчас.

– Ничего не надо, – совладав с удивлением, промямлила Энин.

– Хорошо, – одобрительно кивнул мальчик. – Я могу оставить в помощники скелета, но, думаю, вам будет приятнее наедине. – Мальчик сделал короткую паузу, выжидая ответной реакции, но девушки промолчали, и Сандро воспринял это как согласие. – Когда закончите купание, возвращайтесь в свои покои. Чтобы выйти к лестнице, всегда поворачивайте направо. Дальше дорога вам известна. Купайтесь, – приказал он и с этими словами вышел из банной комнаты, закрывая за собой дверь.

Как только оказался один, мальчик расслабился, оперся о стену и несколько секунд простоял без движения. Общение с живыми давалось нелегко. Ему трудно было подобрать правильные слова, чтобы не сказать грубо или обидно. Он до сих пор чувствовал на себе злобный, ненавидящий взгляд второй сестры. Все это было сложным, неправдоподобно сложным. Но с другой стороны – приятным. Мечта быть среди людей осуществлялась хотя бы в скудном своем проявлении.

Сандро выпрямился, принял привычную гордую осанку и пошел прочь, не зная куда и зачем. Никаких дел у него не было, но долгое общение выбивало из колеи. Ему надо привыкнуть к девушкам, а им – к нему. Для этого потребуется время, но Сандро им располагал. А со временем люди свыкнутся с его обществом, привыкнут к нему: люди привыкают ко всему – так уж они устроены.

* * *

В последний раз узницы купались ранней осенью. Это было не многим, не малым – две луны назад, тогда Арганус вывел их из темницы, чтобы они приняли водные процедуры в ручье, что протекал в саду Бленхайма. Вода в нем была холодной и неприятной, а некромант, который неотрывно наблюдал за купанием, еще неприятнее.

Сейчас все было иначе. Никто не мешал двум сестрам, не следил за ними, вместо холодной реки была широкая бадья, почти до краев заполненная горячей водой, от которой веяло душистым запахом крыжовника от разлитых в ней масел.

Первой в бадью вползла Анэт, с заметным наслаждением раскинула руки, уложив их на края купальни. Несколько минут пролежала, отмокая в горячей воде. Потом поднялась в полный рост и позвала сестру.

Энин поднесла ведро, долила горячей воды в бадью, затем встала на небольшую дубовую скамейку и принялась натирать сестру банной золой.

Анэт стояла неподвижно, стиснув зубы от боли. Сестра терла ее напористо, рьяно, с трудом соскабливая с чувствительной кожи въевшуюся грязь. Когда мытье окончилось, Анэт опустилась в воду и смыла с себя золу. Опять развалилась в широкой бадье, полностью и всецело отдаваясь приятным ощущениям.

– Хорошо, – довольно протянула она.

– Еще бы, – улыбнулась сестра и пошла к камину взять новую порцию воды. С немалым усилием донесла большое ведро к бадье и вылила в нее кипяток. – Ты еще долго? – спросила Энин. Ей и самой не терпелось насладиться купанием.

– Залезай, – посоветовала Анэт. – Отмокнешь пока, а потом я тебя отмою.

Энин, не задумываясь, последовала совету. Скинула с себя платье и присоединилась к сестре, принимая подобную же позу на противоположном краю бадьи.

– Давно не было так хорошо, – радуясь новым впечатлениям, протянула Анэт. Энин улыбочиво закивала в ответ, наслаждаясь редким в холодных стенах замка теплом.

– Даже никогда... – чуть позже добавила Анэт. – Только некроманты и могут переводить дрова на подобные радости.

– Дрова им вообще ни к чему, – секунду поразмыслив, отчеканила Энин. – Холода не чувствуют, дома не топят, еду не готовят.

– И нас дерьмом всяким кормят, – скривила гримасу Анэт, вспоминая едва ли съедобные соленья, порченные овощи и сырое мясо.

– Да, повара из некромантов никудышные, – улыбнулась в ответ сестра.

– Купание, конечно, хорошо, но я не верю «нашему» некроманту. Не могу понять – что он удумал? – ответив своим мыслям, перевела Анэт разговор несколько в иное русло.

– А по мне, он просто хочет быть учтивым, – одним махом разрешила все сомнения Энин.

– Некромант? Учтивым? Не смехи.

– Он наполовину человек, – вдруг вспомнила Энин немаловажный факт, которого так и не открыла сестре. После чего наскоро пересказала историю, услышанную в беседе от Сандро, слегка приукрасила ее, добавила небольшую небылицу о том, что мальчик плакал. Сделала это, чтобы усилить тревожное впечатление, сама при этом веря в собственный рассказ и раскрашивая некроманта в свои тона.

– Интересно, – дослушав до конца, задумалась Анэт. – Я думала, что только скелеты бывают некромантами.

– Видишь, не только, – многозначительно выговорила Энин, задирая подбородок. – Поэтому я и говорила, что он не такой, как другие повелители мертвецов.

– Все равно он один из них, – не изменила своим убеждениям Анэт.

– А мне кажется, ты преувеличиваешь. Он не плохой. Он старается быть добрым. Получается у него не особо, но у него судьбинушка такая. Как бы там ни было, у нас с ним немало общего...

– Не будем спорить, – прервала Анэт. – Давай я лучше помою тебя. Да и вода остывать начала.

Анэт выбралась из бадьи. Оставляя на полу мокрые следы, прошла к круглому столу, где разместились полотенца. Вытерлась и направилась к камину. Вода в большой железной посудине давно закипела. Анэт взяла прихват и перелила кипяток в ведро, отнесла его к купальне и обновила воду. Зачерпнула из бадьи, чтобы не перелилось через край, и, вылив почерневшую от золы воду в слив, отнесла ведро обратно к камину. После чего вернулась к купальне.

Анэт вымыла сестру. За это время замерзнув, снова улеглась в купальню. Поочередно сестры подходили к камину и снимали с него кипяток, разбавляли воду в бадье, вновь заполняли в купальню – тешились банным днем. И действие повторялось снова и снова, пока от обилия пара и горячей воды у обеих не закружились головы, а кожа на руках и ногах не сморщилась от чрезмерной влажности.

Вдоволь накупавшись, сестры вылезли из заметно похолодевшей воды, насухо обтерлись мягкими полотенцами. Закончили ритуал примеркой новых нарядов, которые на удивление пришлись как раз впору. Насмеявшись и наравдовавшись, девушки вышли из банной комнаты и пошли, как и приказывал Сандро, в свои покои, в свою незапертую темницу.

* * *

Двери гнусаво скрипнули, и сестры вошли в келью.

С момента их ухода комната преобразилась. Хаос, царивший у зеркала, сменился идеальным порядком, зарешеченные окна украсили импровизированные шторы из плотной, старовой на вид ткани. Портьеры придавали грубости штор подобие уюта. Никогда не заправляющаяся кровать аккуратно застелена, а разбросанный некогда гардероб убран в платяной шкаф.

Некромант ждал внутри, сидя в кресле и неотрывно наблюдая за входом.

– Как ванна? – спросил Сандро, не дав сестрам опомниться.

– Неплохо, – грубо ответила Анэт.

– Спасибо, – нежным голосом добавила ее сестра.

– Рад, что вам понравилось, – кивнул Сандро, пропустив колкость Анэт мимо ушей: эта девушка мало его интересовала. – Я тут... это... ужин. – Мальчик провел рукой, указывая на поднос, на котором разместились пережаренная, покрытая черной коркой зайчатина. И довольно пояснил: – Сам готовил.

Это был зверек из запасов Аргануса, часть стигийского налога. Лич специально запасался едой, чтобы кормить узниц, но он так и не позаботился о кухарке. Выпускать же девушек, чтобы те сами готовили себе пищу, он и не думал, поэтому рабыням приходилось довольствоваться продуктами, не требующими поварского искусства.

«А нас кормят гнилыми овощами», – злобно подумала Анэт, но не сказала ни слова, лишь упорно посмотрела на мальчика, ожидая, что он будет делать дальше.

– Спасибо, – первой заговорила учтивая Энин.

Сандро кивнул. Но вместо ответа закрыл глаза, сжимаясь в комок. Несколько секунд провел в искаженной позе, потом выпрямился и поднялся с кресла. Едва слышно сказал:

– Меня зовет Хозяин.

Он прошел к выходу, на прощанье пожелал «вкусной трапезы» и закрыл за собой двери.

Недолго раздумывая, девушки принялись за еду. Им не часто выпадал такой лакомый кусочек, как свежезажаренная зайчатина. Ели с энтузиазмом, не сильно заботясь о культуре и чистоте. Набивали полные рты, жадно глотали, не пережевывая.

Когда первый голод был утолен, Анэт, облизнувшись, оповестила:

– Этот некромант мне определенно нравится. С его помощью наша жизнь в замке станет приятнее.

Энин молчала, непонимающе смотря на близняшку, тщательно пережевывала местами подгоревшее, местами недожаренное, но все же мясо. Закончив с особо жилистым куском, она попыталась заступиться за Сандро:

– Не надо на него наседать. Ему и без того немало досталось от жизни. Если он и за добро начнет получать затрещины, то его злоба даст о себе знать. И нам тоже придется несладко.

– Посмотрим, что будет дальше, – примирительно сказала Анэт, отрывая новый ломоть мяса.

– Главное – нам больше не надо будет делать то, что обеим неприятно, – резюмировала Энин, доканчивая со своим куском.

– Да, – не желая спорить, согласилась Анэт. Взглянув на измазанное жиром лицо сестры, расплылась в улыбке и, покачивая головой, укорила близняшку: – Грязнуля, и зачем купалась?

– На себя посмотри, – наигранно делая обиженный вид, отозвалась Энин.

Сестры расхохотались, ненадолго забывая обо всех невзгодах. Сегодня их жизнь изменилась, и наконец не в худшую сторону.

Но кто знает, что подарит им новый день?..

Глава 4

Благородная наука

1. Нарушая МОЛЧАНИЕ, ты подвергаешь опасности не только себя, ты подвергаешь опасности наше дело.

2. Выбирай МЕСТО РАБОТЫ тщательно. Выбирай его так, чтобы оно не бросалось в глаза и было для тебя удобным.

3. Начиная свое дело в СРОК и вовремя его заверши. Не надо спешить – зачем нам спешить, – но и не медли: медлят проигрывающие.

4. ТЕРПЕНИЕ, ничего не дается без терпения и усердия. С усердием начинай, с усердием продолжай Дело. Желание отдохнуть – первый признак поражения.

5. Знай свой предмет, знай свое дело, знай его символику. Совершенство требует ЗНАНИЯ, незнание влечет за собой смерть.

6. Проявляй ВНИМАНИЕ к материалам, используй только чистые вещества и процессы, дабы избежать загрязнения.

7. Не начинай Великого Делания, не запасаясь средствами и УВЕРЕННОСТЬЮ. Без средств и уверенности ты только приблизишь себя к и без того неизбежной смерти, а это ли не поражение?

Альберт Великий. «Алхимическая Свода». 7 правил алхимии

Пять веков.

Пять веков прошло после поражения Трисмегиста в войне против людей и альвов, пять долгих веков минуло с того момента, как живые маги сковали Хельхейм непроницаемым для нежити «куполлом». И все это время некроманты разрабатывали обратное заклинание. Но все пять веков результат изысканий не менялся... Все доклады Гильдии сводились к одному и тому же: «Разрушить магическую завесу невозможно, она сочла в себе три истока: стихию, природу и жизнь. Одной темной магии для “купола” не хватит, чтобы нейтрализовать его».

Арганус был одним из советников, одним из тех, кто работал над разблокировкой чужеродной волшбы. Он всецело посвятил себя этому делу, дни и ночи напролет вычерчивал геп-

тады и гексаграммы, колдовские символы и сиклилы в слепой надежде проникнуть сквозь магическую завесу, но каждый раз труды оказывались тщетными.

Насчет обратной магии у Аргануса были свои – далеко идущие – планы. Он не соби­рался разрушать «купол» – наоборот, его задачей было сохранить его, но найти способ проник­нуть сквозь завесу, не нарушая защитных заклинаний. Арганус слишком любил власть, чтобы в итоге отдать ее в чужие руки – руки других некромантов, которые, прознав о разрушении «купола», тут же наводнят людские земли. Но и самолично захватывать власть над людьми он не соби­рался: для этого Д’Эвизвил путем долгих интриг, посулов и подкупов добился от Совета, чтобы тот назначил на место пограничного лорда его приспешника и раба – Баркляя. Так Арганус получил свободу в поисках – любые его идеи насчет «проникновения» предва­рялись в жизнь с рабской покорностью. Кроме этого в его распоряжение попал западный гар­низон, насчитывавший больше трех десятков тысяч воинов-скелетов. Конечно, этой армии не хватит, чтобы поставить на колени все людские королевства, но Арганус всегда мог пополнить ее численность за счет уже захваченных государств...

Жаль, пока это были только планы, мечты, которым еще долго придется оставаться несбыточными, но лич надеялся, что в конце концов изыскания приведут его в мир живых – землю обетованную для любого некроманта. И никто не сможет ему приказывать: он сам ста­нет единовластным правителем.

Арганус жил этой мечтой – она и была смыслом жизни, ее продолжением. Весь мир дол­жен – обязан! – упасть к его ногам, бить челом, отвешивая бессмертному королю поклоны. И только проникнув – не уничтожив, нет! – пройдя сквозь «купол», Арганус удовлетворит свою жажду, насытится истинной властью, которой до поры лишен, как и любой раб. И пусть у него уже есть возможности, статус, сила, умение, опыт... все это меркнет, когда слышится новый приказ Балор Дота, короля Хельхейма и Стигии. Но рано или поздно Арганус достигнет поставленной цели, получит желанную свободу, и сделает это во что бы то ни стало...

* * *

Сегодня лич был особенно недоволен: пришли известия с границы о том, что новое заклинание не сработало, дало сбой. Очередной скелет, как и все до него, умер второй смер­тью, едва лишь попал под действие «купола».

Арганус свернул в трубочку письмо от лорда Баркляя и выбросил пергамент в огонь камина, который полыхал позади рабочего стола.

– Нет ничего чище пепла, – уничтожив послание, выговорил некромант. – Осталось под­готовиться к Совету.

На сборе должно показать плоды трудов, чего лич не делал и делать не соби­рался. Послед­ние пять лет он использовал для докладов работы ученика. Представлял эликсиры, изобре­тен­ные Сандро, выдавая за собственные. Тянул время для личных ухищрений. И на ожидаемом Совете он сделает так же.

Сандро должен изготовить и испробовать новый эликсир – «эликсир подчинения». Не совсем тот, который планировал создать лич, зато более подходящий для его дальнейших пла­нов. При помощи «газа» Арганус поработит людей, превратит их в кукол, которыми легко повелевать. А позже – сделает острием своего меча.

Мысли некроманта уже выложились правильной мозаикой в идеальную картину, но одного, самого важного кусочка в ней все так же недоставало – способа проникновения сквозь «купол».

– Сандро, – позвал некромант, нащупав в мыслесфере нить, ведущую к ученику. – Я жду тебя, поторопись...

* * *

Выйдя из покоев сестер, Сандро сжал кулаки. Он хотел остаться, сблизиться с девушками – а главное, с рыжеволосой красавицей. Но Зов Хозяина разрушил превосходные планы, превратил все старания в тлен.

– А она прекрасна, – задумчиво протянул Сандро, шагая коридорами замка.

Он думал об Энин. После купания она стала еще прекраснее, она манила своей красотой, своей неповторимостью, она была великолепна.

Сандро помнил танец, который плясала в его воображении Энин, помнил ее пластичные движения, хрупкую фигуру и добрую улыбку. Они заставляли мальчика забыть обо всем на свете, погрузиться в невероятный калейдоскоп событий, мечтать и думать только об одном – о новой встрече с рыжеволосой богиней...

– Она идеальна, – говорил Сандро своим мыслям, даже не пытаясь выкинуть из воображения восхитительный образ. Энин жила в мыслях мальчика своей жизнью, поглощала реальность, затмевая ее первозданной, неповторимой красотой.

Но манящее радостное наваждение сменилось злой явью, когда мальчик остановился у кабинета учителя. Он, ненадолго задержавшись у двери, постучал в грубое дерево, которое ответило глухим звуком и голосом Аргануса:

– Входи...

Сандро, потупив взор, открыл дверь и, шаркая ногами, вошел в кабинет учителя. Мальчик стоял, не поднимая головы – ему незачем было осматриваться, он помнил каждый уголок старинного помещения. По бокам на настенных стеллажах пылились фолианты. В противоположном конце кабинета разместился крепкий, не просевший со временем массивный дубовый стол, на столешнице которого в покорном оцепенении лежали письменные принадлежности и нетронутые пергаменты. Был в комнате и круглый макет земли, выдуманный и исполненный одним продвинутым картографом, ни разу не покидавшим Хельхейма и не видевшим мира. В углу на тонком пьедестале стоял гипсовый бюст Аргануса в человеческом облике, с которого время слизало нос, покорило лицо трещинами, сделав ваяние малоотличимым от нынешней внешности некроманта. Единственной приятностью во всей обстановке был негаснущий камин позади рабочего стола и возвышавшаяся над ним картина с изображениями мирной природы, лишенной боли и ненависти.

– Вы звали, – привычными словами начал разговор Сандро.

– Звал... – Оторвавшись от бумаг с магическими символами и заклинаниями, Арганус бросил на мальчика косой взгляд и ядовито приказал: – Сними капюшон. – Мальчик моментально сдернул с себя накидку. Арганус вернулся к бумагам и продолжил говорить: – Вскоре пройдет Совет. У тебя два дня, чтобы показать мне опытные образцы вчерашнего эликсира.

Арганус взял в руки перо, смочил его в чернильнице и, сделав несколько уверенных штрихов, замер. Задумался, вникая в формулы. Недовольным движением отбросил пергамент в сторону, посмотрел на ученика и заговорил:

– С завтрашнего дня я начну обучать тебя магии – истинной, а не той, которой ты отнекивался все это время. Я близок к одному изобретению, мне пригодится твоя помощь, но не как алхимика, а как настоящего некроманта. Занятия будут проходить в храме Сераписа.

С этими словами некромант придвинул к себе испещренный руническими знаками пергамент, не отрываясь от его изучения, бросил:

– Все. Приступай к работе. – Отдав последний приказ, Арганус повелевающим движением руки позволил ученику уйти.

Сандро, на секунду подняв глаза, устремил недовольный взгляд на учителя. Не сказав ни слова, резко развернулся и вышел из кабинета.

Юного алхимика переполняла злость. Он никогда не занимался некромантией. До этого дня Арганусу была безразлична судьба мальчика, учитель – никакой он не учитель! – пользовался талантами ученика с одной единственной целью: выдавал его творения за свои. Все!

Точка! И теперь, ни с того ни с сего, Арганус решил «поощрить» его своими уроками? Зачем? Для чего? Какие планы вынашивает Хозяин?

Едва сдерживаясь от рвущейся злобы, мечась от одной мысли к другой, Сандро быстрыми, нервными шагами шел в сторону лаборатории. Оставив позади коридоры, он вышел к центральной лестнице, которая пересекала замок Бленхайм по центру, симметрично деля пополам. Спустился вниз и прошел в столовую, где остановился у кухонного шкафа. Провернув по старой привычке дверную ручку, открыл вход в туннель с винтовой лестницей. Сделал первый шаг в лоно темноты и врос в идеально ровные ступени. Злость искала выхода, и наконец ей это удалось:

– Был договор, пусть не высказанный, но был! – стиснув зубы, прошипел мальчик, изо всех сил ударяя мертвой рукой о стену. Камень надтреснул от той силы, с которой к нему приложился некромант. – Я занимаюсь алхимией, но не некромантией. Так было, так должно быть...

– Спокойнее, – влился в сознание мальчика старческий голос.

– Трисмегист... – вспомнил он духа, о котором уже успел позабыть. – Мне не нужны подсказчики, я сам знаю, что мне делать, – гневно бросил юный некромант призраку, которого так и не видел.

Дух молчал. Сандро невольно подумалось, что Трисмегист – это всего лишь плод воображения, что это темная магия разговаривает с ним, туманя рассудок. Выбросив чуждые мысли из головы, мальчик продолжил свой путь в лабораторию, где его уже ждали реторты, выпариватели-концентраторы, конденсаторы и другой инструментарий.

* * *

Недолго думая мальчик прошел к тайнику с «эликсиром недоросли». Отодвинул кусок мозаики, вытащил из схрона сосуд с едко-зеленой жидкостью и осушил его одним большим глотком.

Голова слегка закружилась. Привычный эффект от зелья. Оно заморозит метаболизм, приостановит взросление, не нарушая жизненного цикла. Но сегодня Сандро не этого ждал от своего изобретения.

Прежде чем шаркнула мозаика, вбиваясь в исконное место, новая порция едко-зеленого эликсира пламенной струей влилась в горло. Передозировка. Голова заходила ходуном, вокруг все поплыло, удары сердца заглушили все звуки, пульсирующей болью застучали в висках. Сандро упал на пол, сжал руками голову и тихо застонал. Организм, отыгрываясь за замедление химических реакций, активнее заработал серыми клетками. Мысли нескончаемым потоком вливались в голову. Мозг не успевал их перерабатывать, не выдерживая такой нагрузки. Но пятилетнее привыкание и постоянные тренировки смягчили пытку. Сандро привстал. Боль быстро утихла. Организм привык к отраве – даже передозировка не сломала его.

– Зачем ты себя мучаешь? – гулким эхом прокатился в голове голос Трисмегиста. Боль на мгновение вернулась.

– Чтоб тебя перекосило! – заскрежетал зубами Сандро. – Так надо!

– Надо для чего? – не унимался дух.

– Сегодня много дел, везде я не успею, – понимая, что Трисмегист не отвяжется, пояснил мальчик.

– Зелье чем-то поможет? – поинтересовался друид.

– Да, – отчеканил Сандро, не вдаваясь в подробности.

– Может, объяснишь мне, как действует эта отравка?

– Объясню... – заверил некромант.

* * *

Огонь сковали железом. Языки пламени вырывались из-за ржавой решетки, искрились и исчезали. На раскаленном железе закипал в платиновой посудине трехцвет. Рядом с ним испускал пряный аромат клевер удачи. Из тонкого жгута конденсатора по каплям цедился сок мандрагоры. Сандро подбрасывал зачарованные бревна в жаровые котлы. Сухое дерево в одно мгновение вспыхивало, давало много тепла, но сгорало медленно, словно нехотя.

– Альберт! Трисмегист! – громко позвал Сандро, не отрываясь от своего дела.

На горелке закипел отвар четырехлистного клевера, юный алхимик присоединил к нему газоотводную трубку, чтобы собрать конденсат. С помощью подставки поднял платиновый сосуд с отваром выше, уменьшая тем самым накал, повернул его под углом, обеспечивая лучшую проходимость газа.

В самом эликсире полученный конденсат маловажен, но его действие по всем расчетам должно увеличить проникающую способность эликсира, позволит ему быстрее взять под контроль «цель».

К этому времени закипел и отвар трехцвета. Сандро проделал с ним сходную операцию.

В появившуюся минутку опять позвал Трисмегиста, но и на этот раз никто не ответил. Мальчик с каждым разом кричал все громче, все больше убеждая себя, что духа никогда не существовало, что он – плод больной фантазии.

– Альберт! – прикрикнул напоследок Сандро, уже не рассчитывая услышать ответ.

– Не кричи, – оборвал призывы мальчика старческий голос. – «Соблюдение тишины и молчания» – первое правило алхимика.

Несколько секунд заново прокручивая в мыслях реальность существования духа, Сандро едва рассерженно бросил:

– «Эликсир подчинения» – не алхимия. Я не работаю с металлами, не подбираю астрономических циклов. Это всего лишь снадобье, которое ничего общего не имеет с благородной наукой.

– Интересное заявление, – прощуршал тихий голос Трисмегиста. – Ты никогда не слышал о низшей алхимии? То, чем ты сейчас занимаешься, самое яркое ее проявление.

Сандро не ответил. Его никто не обучал науке трансмутации, и все, что он умел – плод долгих самостоятельных поисков. Как это можно было объяснить тому, кто несколько десятилетий, по всем правилам обучения, провел в учениках Круга друидов? Даже не пытаясь спорить, Сандро, сосредоточившись, погрузился в изготовление эликсира. Но Альберт не останавливался:

– У тебя неплохие задатки для алхимика, но тебе не хватает хорошего наставника.

– Им хочешь стать ты? – наигранно удивился Сандро.

– При обоюдном согласии – да.

– Я пять лет учился алхимии без всяких наставников, смогу делать это и дальше, – недовольно фыркнул некромант.

– Будь, по-твоему, – отозвался заунывный голос.

Не обращая внимания на Трисмегиста, Сандро продолжил работу: увеличил огонь конденсатора, в котором дистиллировались клубни мандрагоры, подкинул новых галлюциногенных плодов, чтобы повысить концентрацию раствора; с той же целью ополовинил содержимое платиновых сосудов с отварами четырехлистника и трехцвета, закинул новую порцию и долил воды.

– Почему ты не измеряешь концентрацию? Позже тебе не удастся повторить точный состав в прежних пропорциях, – заумно спросил Трисмегист. Мальчику пришлось несколько секунд вникать в услышанное, и когда он наконец понял, о чем говорит дух, ответил той же монетой:

– Ни один аналитический реактив не поможет узнать точную концентрацию раствора. Я выискиваю пропорции на глаз.

– Тебе стоит по унциям вымерять материал и записать в расчетную книгу, только так ты соблюдешь точность при смешивании веществ-реагентов, – поучал Трисмегист.

Сандро недовольно фыркнул:

– Каждый из составов сохранился в моей памяти – этого достаточно, чтобы в нужный момент извлечь правильное сочетание.

– Никогда не стоит надеяться только на память, – наставническим тоном изрек Трисмегист, чем вызвал у мальчика недовольство и раздражение:

– Может, хватит меня учить? – гневно выпалил Сандро. – Пока ты не появился, я всегда делал так. И до этого момента сбоев не было. Это о чем-то говорит? – подталкивал он на единственно верное умозаключение: «Мальчик прав», – но Альберт решил иначе:

– Это говорит об удаче, но она сопутствует отважному далеко не всегда.

– Я бы с удовольствием подискутировал на эту тему, но, видишь ли, я занят. Спасибо, конечно, за консультацию, но я и без записей хорошо справляюсь. У меня свои секреты.

– Не буду выпытывать: тайна должна оставаться тайной, пока так хочет ее хранитель, – многозначительно выговорил дух. – Но ты обещал мне рассказать об эликсире, который пил перед опытом. В чем его суть?

– Именно он и есть секрет моей памяти, – довольно усмехнулся Сандро. – Эликсир увеличивает активность головного мозга, но изобрел я его совершенно с другой целью...

– Повышение умственной активности? – едва удивленным голосом протянул Трисмегист. – Великолепный эффект...

– Да, – согласился мальчик.

– Но ты изобрел его с другой целью... Какой именно? – поинтересовался Трисмегист.

– Замедляю обмен веществ в клетках, не даю им развиваться, чтобы живая половина не выросла больше мертвой, – ответил мальчик, отсоединяя тем временем газоотводные жгуты от отваров и медленно помешивая раствор «трехцветного безвременника» тонкой эбэнисовой¹ палкой. – Я и так не блещу красотой, – превратиться в искореженного монстра мне совсем не с руки.

1 Эбэнис (от греческого ebenos – «черное дерево») – совершенный изолятор, не вступающий в реакции с большинством веществ даже при больших температурах.

– Не проще ли заставить расти мертвую часть? – спокойным голосом спросил Трисмегист. Мальчик с трудом подавил смешок.

– Мертвое – расти?! – усомнился Сандро. – Это невозможно!

– Нет ничего невозможного, – опротестовал Трисмегист. – Я легко опровергну твоё заблуждение.

Сандро отстранился от своих дел, перестал перемешивать варево. Капля надежды разожгла неистовый огонь в душе.

– Как? – едва совладав с голосом, выговорил мальчик.

– Магия друидов способна на многое! – с легкой торжественностью ответил Трисмегист.

Экстракт трехцветного взбурлил и пролился на жаровой котел, зашипел, облаком пара рассеялся в воздухе лаборатории. Безвременник ядовит, сильно концентрированный он способен погубить человека. Сандро спохватился и стал перемешивать жидкость эбэнисовой трубкой. Только черное дерево, платина и стекло не вступали в реакцию с трехцветом, не мешая добыть чистый экстракт.

– Ты сможешь мне помочь? – с негаснущей надеждой спросил Сандро, когда кипение пришло в норму

– Конечно смогу. Но процесс обучения займет немало времени, потребует от тебя усидчивости и внимания, – не успев стать учителем, наставлял Трисмегист. – Ты готов быть моим учеником?

– Если это позволит мне вырасти – да, – неоднозначно ответил Сандро, но друид не требовал большего.

– Значит, решено, – провозгласил он.

– Но я не знаю, когда смогу приступить к занятиям, – тут же отступил некромант.

– По какой причине?

– Мне надо выполнять поручения Аргануса, а их с каждым днем становится все больше.

Ко всему прочему с завтрашнего дня начинаются занятия темной магией, – оправдывался Сандро.

– Знай: это надо тебе, а не мне.

– Мы можем заняться искусством друидов после Совета некромантов?

– Безусловно.

– Вот и хорошо, – довольно потер некромант руки.

С этими словами юный алхимик потушил горелки и отсоединил конденсатор, перелил оставшиеся вещества в крупные посуды. Уверенными движениями смешал растворы в разных пропорциях, разных концентрациях, в разных составах, получая почти десяток различных веществ. Слил результаты в небольшие пробирки, которые позже выстроил в несколько рядов на специальной форме.

После этого взял в руки гусиное перо. Макнул кончик в чернильницу и подписал над каждой пробиркой свой символ. Когда закончил начертание рун, герметично закупорил сосуды пробками с изображением Трисмегиста – так ему отдавали дань как изобретателю алхимии. После чего поочередно встряхнул по отдельности каждую пробирку, добываясь легкого газообразования внутри. Довольный результатом, вложил пробирки обратно в форму и приглушенно выговорил, обращаясь не то к пустоте, не то к Трисмегисту:

– Надо подготовиться к уроку магии, освежить старые знания, хотя... я лучше бы повидал одну рыжеволосую особу, – мечтательно улыбнулся мальчик, как только память наткнулась на чарующий образ. – Я так и сделаю. Я увижусь с ней! – твердо решил Сандро.

– У нас остался незаконченным разговор о создании эликсира, прерывающего магию хозяина... – напомнил Трисмегист.

– Разговор? – задумался мальчик, припоминая недавнюю беседу. – Я вернусь к эликсиру завтра... – заключил он, через секунду меняя решение: – Вернусь, когда появится время.

– Тебе стоит поторопиться. Если изобретешь эликсир, сможешь покинуть Хельхейм вместе со своей рыжеволосой возлюбленной.

– Она мне не возлюбленная, – отмахнулся Сандро, уже откладывая форму с пробирками в сторону и накидывая капюшон. – И не лезь в мои личные дела.

– Хорошо, хорошо, оставим дела любовные амурам, – примирительно ответил Трисмегист.

– Амурам? – удивился Сандро новому названию, даже остановился на полпути к лестнице.

– Не забивай себе голову, – пошел на попятную Трисмегист. – Амуров уже нет, они умерли вместе с храмом Сераписа. – Секунду помолчав, закончил разговор всего одним словом: – Иди.

Больше не обронив ни слова, юный некромант покинул лабораторию и отправился туда, куда звало его сердце.

На священной поляне Неметон, у истока вечного вырос замок на костях и крови.

...Бенни к истоку приходили и мыли в его водах кровавые одежды, возвещая смерть всему живому. Громко выли под окнами домов Кон Анноны, обещая людям скорую гибель. А по небу уже мчался Дикая Охотник, собирая смертельную жатву.

...И всполохнули небеса над головами смертных, и вздыбилась под их ногами земля, слышались крики младенцев и стоны их умирающих матерей. И налилось кровью яркое Солнце, и закрыла, дабы не видеть страданий, единственное око Луна. Мир на века погрузился во мрак и забвенье.

...Но цветет Неметон, как и раньше цвел, и будет так, пока зелен стоит дуб вековечный. Живет мир, как раньше жил, и будет так, пока льется вода Неметона.

Амагрин Овен. «Денеметон»

Скрипнула несмазанная дверь, но это был единственный звук, с которым в келью проник незванный гость. Он тихо, без малейшего шороха плывя по полу, словно тень, прошел в центр кельи и остановился. Облаченный в черные одеяния, он хамелеоном цвета оникса растворился во тьме. Незаметно, как призрак, он проскользил к кровати, на которой спали, нежно обнявшись, две рабыни – спали мирно, спали беззаботно.

– Проснись, – едва касаясь обнаженного плеча Энин, прошептал Сандро. – Проснись, – заунывным, далеким голосом звал он, аккуратно выдергивая девушку из сонной дымки.

Неохотно разрывая тонкую пелену между сном и явью, Энин открыла глаза. В полудреме, с великим трудом избавляясь от мутной сонливости, она посмотрела на некроманта, и капля страха вмиг вырвала ее из сновидений.

– Уйди! – тихо вскрикнула она, не совладав с сиюминутным испугом.

– Тихо, – приказал Сандро, не замечая, как использует в голосе гипнотические нотки, которыми обладал каждый некромант.

Девушка невольно отшатнулась, прильнула к сестре, но, стоило ей услышать голос некроманта, и страх быстро сменился спокойствием, таким мягким и теплым – блаженным! – что невольно не поверилось собственным ощущениям.

– Прости. Прошу: не кричи, – отворачиваясь и подавляя силу голоса, продолжил он. Блаженный покой Энин в одночасье умер, но страх не вернулся. – Я не хотел тебя пугать и будить. Нет, будить хотел... удели мне немного своего времени, – попросил Сандро, несмело взглянув на девушку.

– Чего тебе надо? – дрожащим голосом спросила Энин.

– Пойдешь со мной, – сам того не желая, выдал новый приказ Сандро. Он хотел разговаривать иначе, но иначе отчаянно не получалось. Он решил молчать. Словно тень, не нарушая тишины, присел у ложа, осторожно окидывая неуверенным взглядом девушку.

Она была очаровательна. Огненно-рыжие волосы, яркие и пышные, словно языки пламени спадали на плечи, игривыми завитками ложились на кровать. Было удивительно, что пряди не воспаляли белоснежную постель. Темно-карие глаза, в которых яркими бликами отражался огонь волос, внимательно смотрели на чародея. Казалось, девушка даже не моргает – она словно застыла, наблюдая за полупризрачной тенью.

– Чего ты хотел? – уже не сопротивляясь – соглашаясь – ответила Энин, делая легкий, неуверенный жест, будто мальчик мешает ей подняться с постели.

– Отвести в замковый сад, – отстраняясь от кровати, чтобы дать девушке встать, ответил Сандро.

Энин сомневалась. Стоит ли верить некроманту? Сестра всегда говорила, что им нет веры... Но она отбросила сомнения и легким движением откинула тонкое одеяло, открывая обнаженное тело.

Мальчик посмотрел на манящую девичью стать, на изящные округлости ее фигуры, идеальные линии молодого тела и отвел взгляд. Он не мог смотреть на нагую Энин, это было свыше его сил.

– Оденься, – попросил чародей. – И поспеши: у нас есть время только до рассвета, а он уже не за горами, – секундой позже, когда это было уже не так необходимо, поторопил он.

Энин взяла с кресла тонкое атласное платье, мигом надела его, прошла к платяному шкафу и накинула на плечи теплый шарф, предчувствуя предрассветный холод.

– Идем, – сперва неуверенно, с опаской, взял за руку свою рабыню некромант, но после крепче сжал ладонь, радуясь одному только прикосновению – лишь тому, что девушка с ним рядом.

– Может, разбудим Анэт? – неуверенно спросила девушка.

Анэт, словно почувствовав, что говорят о ней, едва заметно пошевелилась. Это легкое, сонное движение потерялось в ночном мраке, но Сандро, видящий во тьме не хуже кошки, без труда заметил его.

– Пусть спит, – отозвался некромант, в следующее мгновение проведя рукой и кончиками губ нашептав дремотное заклинание, которое до этого момента ни разу не использовал и уже успел подзабыть.

Энин покорно ждала, не различая во мраке манипуляций чаровника.

Больше не сказав ни слова, Сандро распахнул скрипучую дверь и вместе с Энин вышел в запутанные, но уже знакомые замковые коридоры.

* * *

Они довольно быстро спускались по центральной лестнице. Некромант всю дорогу молчал, постоянно озирался – будто боялся, что за ними следят. Своей настороженностью он с каждым новым мгновением навевал на спутницу все больший страх, все большие сомнения в правильности своего согласия.

– Куда мы идем? – неловко спросила Энин, не выдержав неопределенности.

– В Неметон, – пространно объяснил Сандро.

Энин не решилась спросить повторно. Сандро ей казался раздраженным, неуверенным, она не стала искушать судьбу и задавать лишние вопросы.

– Я не смогу объяснить, это надо увидеть, – минутой позже выговорил некромант, когда девушка уже и не ждала новых разъяснений.

Энин ничего не ответила: она увидит то, из-за чего ее вытащили из постели, увидит, если так решил некромант.

Сандро услышал за спиной ускользяще тихий шорох, который сменился глухим, едва различимым даже в полной тишине ударом. Не останавливаясь, он резко обернулся, но в сотый раз убедился в бесплодности подозрений. На ступенях, пошатываясь, словно дерево на легком ветру, стоял страж-скелет, всем своим видом давая понять, что нет причин для паники. Сандро недовольно сплюнул. Озадаченно, осознавая, что повел себя излишне грубо, посмотрел на Энин. Не сказав ни слова, потупил взор и пошел быстрее.

Странное ощущение, что за ним следят, не исчезало. Сандро спешил, будто чувствуя опасность, будто зная, что за ним идут по пятам. Часто оборачивался. Смотрел по сторонам. Но не замечал ничего, кроме теней, уползающих от лунного света, который просачивался в резные окна.

Вскоре они вышли из замка, на секунду задержались на широкой, почти необъятной крепостной площади, окруженной полукольцом фортификаций. После чего Сандро уверенно повел девушку вдоль замковых стен, с каждым мигом все плотнее приближаясь к почерневшему камню. Ежесекундно он оборачивался, изучал непроглядную темноту, что-то недовольно бурчал и шел все быстрее.

Они долго продирались сквозь колючие кустарники, норовящие укусить своими шипами тело или схватиться за одежду, и лиановидные растения, корни которых мешали идти, то и дело цепляясь за ноги спутников, словно хваткие пальцы живого существа.

А они все шли... Казалось, замку Бленхайм нет конца, что его стены необъятны так же, как и зло некромантов. Энин уже начала винить себя за покорность, винить за то, что согласилась идти, но в следующее мгновение изменила своей неуверенности.

Мальчик перестал оборачиваться, повернул за замковую стену, когда та наконец закончилась, остановился, внимательно обвел взглядом видимую в темноте ночи только ему картину и провозгласил:

– Неметон...

Неожиданно, словно по нелепому мальчишескому зову, из-за крепостных стен украдкой показалась луна. Она призрачно осветила рощу, иллюзорно превращая многоцветную землю в искрящуюся пеструю водную гладь.

Словно по магическому пути, мальчик повел Энин по лунной дорожке, которая посеребренным полотном стелилась под ногами. Девушка зачарованно смотрела по сторонам и не верила своим глазам. Она попала в цветущую страну, пеструю и благоухающую от изобилия цветов. Вековыми стражами вокруг рощи выросли величественные дубы. Словно ласковые жены, меж ними стояли, опустив скорбящие головы, гибкие молодые ивы. Распустившиеся цветами жизни, кустарники словно маленькие дети застыли у ног родителей. Роща была жива, в каждом дереве, в каждом цветочке, в каждой травинке чувствовалась жизнь, животворящая сила, от которой становилось тепло на душе.

Вокруг царила тишина – туманная, глубокая, но не мертвая, живая. Тихо, словно поселившись между сном и явью, звучала лунная, игривая, но тоскливая музыка. Она обволакивала собой мир, погружала его в изящный медленный танец. В такт танцу покачивались дубы, сильнее гнули головы плакучие ивы.

Сандро вел дальше, проникая все глубже в чарующий, невероятный мир.

Музыка зазвучала громче. Теперь Энин могла различить, откуда льется волшебная мелодия. Это пел источник – кристально чистый серебряно-золотой ручеек с душистым медовым ароматом, который стоял в воздухе, смешиваясь с сотней других восхитительных запахов.

Сандро остановился у ручья и только сейчас разжал ладонь, выпуская девушку из своей крепкой, но нежной хватки. Рукой проводил ее взгляд, указывая на небольшие качели и приглашая ее сесть.

Энин немедленно приняла приглашение, села в качели-колыбель. Мальчик стал медленно их раскачивать, ускоряя с каждым новым движением. Девушка сперва опасливо смотрела на землю, боясь упасть, но разразилась смехом, и страх в то же мгновение улетучился. Энин залиисто хохотала – так громко и жизненно, задорно и весело, что Сандро не смог сдержаться и стал смеяться вместе с ней.

Дружный, добрый хохот смешался с волшебной мелодией, заиграл с ней в унисон, разнося вокруг беззаботное веселье. Эти мгновения были самыми счастливыми в жизни мальчика, самыми дорогими и ценными, он смеялся, смеялся, не боясь ничего на свете, он плакал, плакал от радости, которой так давно не испытывал.

Подул легкий, теплый ветерок, и качели накренились, девушка выпорхнула из них, словно бабочка. Упала в объятия Сандро, и они вместе повалились на землю.

С его лица соскользнул капюшон, скрывавший изуродованную внешность. Девушка уперлась взглядом в ополовиненное магией лицо некроманта, и смех комом встал в горле. Сандро, словно ужаленный, отстранил ее от себя, вскочил на ноги, отворачиваясь и натягивая капюшон.

– Прости, не уследил за качелями, – холодно извинился мальчик.

– Не бойся меня, – ласково сказала Энин – она уже не чувствовала страха перед некромантом, у нее не было причин не верить ему.

– Я и не боюсь, – даже не обернувшись, ответил Сандро.

– Боишься, – упрямылась Энин. – Мне кажется, ты меня боишься еще больше, чем я тебя.

– Ты меня боишься? – вынес мальчик из услышанного свое.

– Нет, – замотала она головой.

– И я нет, – сбивчиво промямлил Сандро.

Энин улыбку сперва словно нехотя, но улыбка все шире расплзалась по ее лицу. В конце концов она расхохоталась заливистым, заразительным смехом. Сандро, не сдержавшись, захихикал в унисон. Смеялись долго, мальчик с трудом подавил в себе смешинку и тихо, с легкой обидчивостью прошептал:

– Почему ты смеешься?

– Словно дети, – пуще прежнего расхохоталась Энин, прижимая руки к животу.

Сандро присел рядом.

– Тебе здесь нравится?

– Очень, – едва сдерживая смех, чтобы не обидеть мальчика, ответила она.

Услышав странный шорох за спиной, Сандро резко развернулся, уставился в посеребренную последними лунными лучами даль, но так ничего и не нашел.

– Тебя что-то тревожит? – забеспокоилась Энин.

– Скоро солнце встанет. Мне надо будет уйти, – невпопад ответил Сандро.

– Ты из-за этого такой настороженный?

– Да, – не раздумывая соврал некромант. Он чувствовал на себе чужой взгляд, чувствовал настолько явно, что даже не сомневался: за ними наблюдают.

– Не волнуйся – придем сюда, когда у тебя будет время, – отозвалась Энин.

– Да, конечно, – согласился он.

– А почему некромант держит столь красивое место в своих владениях? – удивилась Энин.

– Он и рад бы не держать, но это невозможно, – догадываясь, о ком идет речь, ответил Сандро. – Ручей зачарован. Он протекал тут задолго до появления некромантов, еще в те времена, когда Хельхейм был во власти друидов. Друиды пропитали источник животворящей силой, придали ему свое русло. И сколько бы ни пытался Арганус поменять ток реки, она всегда возвращалась в свои берега. Тут действует магия, перед которой тьма некромантов бессильна, – объяснил знающий Сандро, который не раз использовал «священную воду» в своих опытах. – Я не проверял на практике, но в книгах написано, что под землей река течет к самому храму Сераписа. – Мальчик невольно огорчился, как только вспомнил это название – название храма, где пройдут его практикумы темной магии. – Храм принадлежал светлому ордену, но Трис... но некроманты его осквернили. А источник жив, жив как и раньше, и дарит миру свою незабвенную красоту. Замок Бленхайм стоит на священной земле. Конечно, века, которыми оскверняли это место, не прошли бесследно, но земля по-прежнему хранит в себе свет.

– Удивительно, – восхитилась Энин, не до конца понимая витиеватые фразы собеседника.

Она медленно встала и подошла к тоненькому, почти слабому и высохшему ручейку. Опустилась на колени к источнику, зачерпнула ладонями кристально-чистой ледяной воды.

Умылась, в тот же миг взбадриваясь, ощущая, как силы пропитывают ее изнутри. Потом встала и, посмотрев на мальчика, произнесла:

– Хозяин водил нас с сестрой к ручью, но в округе все было пустынным и мерзким. Вместо прекрасных деревьев росли колючие кустарники, почва была серой и рыхлой, словно ее вскопали только вчера, а тут зеленеет трава даже в преддверье зимы. И у воды не было чудодейственных свойств, она была холодной и неприятной.

– Морок, – одним словом объяснил Сандро. – Арганус навел на вас иллюзию, изменил ваше мировосприятие. Вы видели то, что могли увидеть, а не то, что есть на самом деле.

– Ты хочешь сказать...

– Вы видели ложь, – не дослушав вопроса, ответил мальчик.

– И как ты ко всему этому привык? – содрогнулась девушка. – Ты добр, я это чувствую, ты пытаешься это скрыть за безразличием и холодом, но у тебя не получается. Ты не некромант, но кто же ты?

– Я некромант... – невольно потупил взор Сандро. – Но не такой, как другие. Я человек, но и от людей отличаюсь не меньше.

– Неужели магия не способна вернуть тебе прошлую жизнь? – сокрушалась Энин: она сама того не желая прониклась горестями Сандро, ощутила всю ту истерию, всю ту боль, страх, ненависть, отчаяние, которые испытывал мальчик. Священный исток сделал ее еще более чувствительной, заставил еще глубже испытать то, что происходило с Сандро.

– Магия не меняет судьбы, – ответил чародей фразой из прочитанной книги. – Она лишь корректирует, дополняет и преобразует исконную линию, она не способна ее перечертить. Я стараюсь, стараюсь что-то изменить, но все безрезультатно...

– У тебя получится, – уверила девушка, лишь через слово понимая, о чем говорит мальчик.

Сандро не ответил. Посмотрел на свое отражение в тонком ручье, но увидел только тень, окутанную внутренним мраком и черными одеяниями. Нет, ему не изменить судьбы, магия ее не меняет, но полумертвый мальчик не терял надежды, в глубине души верил в удачу, однако хранил эту веру слишком глубоко.

– Нам пора, – встрепенувшись, заметил Сандро.

– Я могу сюда приходиться?

– В любое время, – быстро разрешил некромант. – Я... ты знаешь, я... – Сандро захотел раскрыться, рассказать девушке, насколько она ему важна, но и сам не мог измерить своих чувств. Он чувствовал, чувствовал радость, отстранялся от обычной боли и ненависти только рядом с ней, только с ней ощущал себя человеком – живым человеком, а не полумертвым слугой. Но он не знал, как это сказать, и стоит ли это делать...

Он заговорил вновь, но сказал не то, что хотел, а то, что первым пришло на ум:

– Мне пора идти, близится рассвет, меня ждет урок, – сам не веря в свои слова, выговорил он. Решительно, резко, быстро, словно опасаясь, что от решительности не останется и следа, подошел к Энин. Хотел прижать ее к себе, почувствовать ее в своих объятиях, но вместо этого протянул ей руку, предлагая идти обратно. Девушка без страха взялась за ладонь, в которой ощущалось людское тепло даже через перчатку.

– Скоро ли мы сюда вернемся? – спросила она, когда Сандро уверенными шагами пошел прочь от чарующего места.

– Когда зайдет солнце, – пообещал некромант, еще не зная, что его планам помешают.

Музыка ручья звучала все дальше, ивы все жалостливее прижимались к мужественным дубам, склоняли свои зеленые волосы к земле, тихим шелестом провожали Энин и Сандро.

Она смотрела через плечо за ускользящей картиной, вслушивалась в угасающую мелодию. Она вернется сюда, опять услышит музыку ручья, вновь насладится запахом цветов. И

неуверенный, влюбленный мальчишка снова будет рядом, снова будет, стесняясь, рассказывать истории и смеяться вместе с ней.

* * *

– Может, разбудим Анэт?

Голос сестры разбудил ее. Девушка нехотя открыла глаза. После сна мысли ложились неровно, медленно, поэтому Анэт неосторожно потянулась, прежде чем услышала чужой голос и поняла, что в комнате посторонний.

– Пусть спит, – выговорил неизвестный. Анэт по голосу узнала его обладателя – нового хозяина.

Она притаилась, но было уже слишком поздно: чародей заметил ее движение. В следующее мгновение она почувствовала упрямую сонливость, резко накатывающийся сон, бороться с которым было выше ее сил. Но, на удивление, сонная пелена быстро спала, исчезла, как только некромант оторвал от Анэт упорный взгляд.

Глухой скрип проржавевших дверных петель в мгновение ока стер последние остатки сна. Анэт резко вскочила с кровати. На ощупь выискала платье и, путаясь в кружевах, с трудом напялила на себя. Впопыхах Анэт выскочила за дверь. Она не позволит некроманту околдовать сестру темной магией, не даст ему подмять под себя доверчивую Энин. По крайней мере, попытается этого не допустить.

Анэт следовала за ними по пятам, но, желая остаться незамеченной, держалась на приличном расстоянии. Если бы не священная вера, которая жила в ее душе, она бы давно потерялась в беспроглядно темных коридорах замка, разветвленных и запутанных, словно лабиринт. Но вера вела безошибочно, точно указывая путь. Анэт шла скрытно, тихо, словно полевая мышь, но один раз чуть не выдала себя. Произошло это случайно: выпорхнув на лестницу, она не заметила скелета, закованного в тяжелые латы, и, с разгона напорвшись на него, упала на пол. Симиона уберегла свою недоученную жрицу и укрыла от глаз некроманта – по крайней мере, так считала и беспрекословно верила в это Анэт. А Сандро, не останавливаясь, но без конца оборачиваясь, будто чувствуя слезку, вел Энин в неизвестном направлении.

Теперь ученица Храма лежала, зарывшись в густой колючий кустарник так, что она видела все, а ее нельзя было разглядеть и с полуметра. Она с ненавистью наблюдала за некромантом, который магией околдовывает сестру, смотрела, как зачарованная Энин любезничает с повелителем мертвых, весело смеется, улыбается ему. Анэт бросало то в жар, то в холод от одного места, к которому ужасный некромант приволок ее сестру.

Тут стояли, склонив черные, ожившие головы, загнивающие исполины. Они нависали уродливыми монстрами над Энин, пожирали ее злобными взглядами кроваво-красных глаз. Их стволы были увиты тонкими наростами, походившими на жилы, а корни, словно жирные черви, повылазили из серой земли. В этом ужасном месте протекал ручей с черной, как смоль, и мерзкой, словно раскисшая грязь, водой. Вокруг лежали кости людей, так и не заслуживших права на могилу.

Но Энин словно не замечала всего этого уродства, весело и добродушно разговаривала со средоточием зла, скрывшим за черными одеяниями черное же естество. И только сейчас Анэт сообразила, в чем причина столь беспечного поведения ее сестры: Энин зачарована, она видит красочный и живописный морок, а не ужасающую явь. Некромант сплел магическую иллюзию, заставив поверить Энин в несуществующую красоту, отгородив ее от реальности темной волшебной...

Анэт вздрогнула, вырвавшись из гнетущих мыслей. За глубокой задумчивостью она не заметила, как двое встали и пошли обратной дорогой, проходя мимо колючих чащоб. Анэт чуть не умерла от страха, когда Сандро остановился у кустарника, в котором она скрылась,

и испытующим взглядом уставился прямо на нее. Внутри девушки все обмерло, она уже не сомневалась в том, что ее раскрыли, но Сандро, ни на что не обращая внимания, потащил Энин дальше в сторону замковых ворот.

До хруста сжав зубы, прикрыв рот ладонью, чтобы не зайтись криком, Анэт выбралась из зарослей, исцарапав при этом все тело. Ненавидяще посмотрела на красные, как кровь, и ею же измазанные шипы – и сама не поверила, что смогла забраться, а затем и выползти из этого жалящего змеиного кобла.

Анэт перевела взгляд на мертвую поляну, и сердце екнуло, в страхе заколотилось, с излишком разбавляя кровь адреналином. По телу пробежал холодок, вскоре сменившийся непередаваемым ознобом. Ее затрясло. Обхватив свои плечи, стуча зубами, она прошла к источнику, пропитанному темной магией, и остановилась. Несколько мгновений перебарывая страх и расслабляя заочневшие мышцы, Анэт стояла, не шевелясь, и наблюдала, как медленно течет черная густая вода мертвого источника. Вскоре ужас померк, а озноб понемногу отступил, им на смену пришла злоба – злоба на некроманта и на саму себя. Она, непосвященная жрица Малого Храма, позволила повелителю мертвых поработить сестру. И, в отличие от хозяина-скелета, его последователь, скрывающий лицо, копнул куда глубже. Не ограничился простыми любовными играми: ему не хватило одного тела – он поглотил саму душу наивной Энин. А сама Анэт, отсиживаясь в колючих зарослях, бросила сестру на произвол судьбы, не защитила от темной магии, как хотела, даже не попробовала сделать это – испугалась. А сейчас было уже поздно, слишком поздно что-то менять, Энин превратилась в безропотную куклу, и никто, кроме самой Создательницы, уже не сможет ей помочь противостоять злу, которое поселилось внутри нее.

– Ты следила за мной. Неужели, ты не знаешь, что это неприлично?

Некромант подошел незаметно, бесшумно, словно кошка. Анэт вздрогнула от неожиданности, захотела вскрикнуть, но крик комом застыл в горле. Голос издал лишь жалкое презрительное шипение.

– Подлая крыса, ты заколдовал ее. – Анэт обернулась и только сейчас увидела истинный лик некроманта. Он был ужасен – еще ужаснее, чем оживший скелет. Наполовину лишенная плоти челюсть расплылась в едкой улыбке. Длинные ровные локоны ниспадали на плечи, но магия тьмы разделила пополам и их: справа волосы были ломкими и безжизненными, белоснежного цвета, слева – пышные, каштановые, отливающие в лунных лучах серебром. Темно-зеленые зрачки мутным остервенелым взглядом изучали хрупкую девушку, взглядом настолько ненавидящим и презрительным, что Анэт бросало то в жар, то в холод.

– Зачем тебе моя сестра? Кто ты вообще такой? – нервно спросила Анэт. На секунду замолчав и взяв себя в руки, она заговорила более спокойным голосом: – Я не позволю тебе кудесить над нею и дальше.

– И что же ты сделаешь? – ухмыльнулся полумертвый.

– Есть множество способов избавиться от некроманта, – голосом сведущего в подобных делах ответила Анэт, сама удивляясь своей решительности. – Богиня поможет мне, – вскинув голову, закончила она.

– Жрица-недоучка... – задумчиво протянул некромант, наигранно делая серьезный вид. – Ну конечно, способов действительно много, но Храм не обладает ни одним из них...

– Ты лжешь! – вскрикнула Анэт. – Наставница говорила мне...

Некромант не стал дослушивать того, о чем говорила наставница спесивой девицы, махнул рукой, не произнося при этом ни слова. А Анэт схватилась за сердце, потом за горло, почувствовала, как жизненное тепло ускользает из ее тела, покидает его вместе с неосязаемой крупницей, уползающей в ладонь некроманта. Девушка еще мгновение стояла, ошарашенно глядя на хозяина, а потом колодой упала в черную, загаженную темной магией воду.

Она так и не смогла помочь сестре, не спасла ее от злого рока. И это была последняя мысль, которая посетила Анэт прежде, чем она погрузилась в забытье.

Глава 6

Закон симпатии

Закон подобия гласит: подобное производит подобное, или следствие похоже на свою причину. Согласно второму закону, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта.

Из закона подобия маг делает вывод, что он может произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему. На основании второго закона он делает вывод, что все то, что он продельвает с предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была с этим предметом в соприкосновении (как часть его тела или иначе).

James George Frazer. «The Golden Bough»

– Дай... дай... – монотонно молил утробный голос, но Арганус, не обращая на него никакого внимания, шел уверенной походкой, властно печатая шаги и глухо стуча искривленным посохом о твердую промозглую землю.

– Дай... дай... – не унимался голос, моля неизвестно о чем.

– Бери, – безразличным тоном, не прекращая горделивого шествия, изрек лич. Порыв ветра, колыхнув полы некромантского плаща, унесся к стенам Бленхайма, оставляя за собой едва заметное серебро изморози на черной, как оникс, земле.

– Двумя обузами меньше, – на секунду остановившись, глянул он вслед бестелесному духу и мысленно улыбнулся, не в состоянии сделать это наяву. Мимоходом взглянул на маячащий у горизонта огненный диск и пошел дальше. Он опаздывал, несмотря на привычную пунктуальность: дела заставили задержаться. Что ж, тем хуже будет ученику. Времени на него осталось меньше, поэтому урок пройдет быстрее, а значит – жестче.

* * *

Дорога к храму Сераписа насквозь пересекала ограбленное кладбище. Разрытые могилы гниющими язвами впились в землю, словно в кожу живого существа. Покосившиеся надгробия, жалобно накренив свои головы, утонули в разросшейся почерневшей траве, походившей на волосатую шкуру погибшего монстра. Нехоженые звериные тропки, петляя, пробороzdили путь к разрушенному монастырю.

Сандро, с восходом солнца пройдя через урочище мертвецов, застыл у обглоданного скелета здания и сейчас разглядывал мрачные руины оценивающим взглядом.

Взор мельком остановился на раскрошенных антаблементах и арках, осевших каменными глыбами на прореженной кладке пола. Метнулся дальше, задерживаясь на уцелевших даже столетия спустя колоннах, которые некогда несли на себе карнизы и арочные перекрытия, а сейчас, словно ребра погибшего монстра, возвышались над общими руинами. Центральное сооружение из последних сил боролось с разрушением. Время же медленно, но уверенно одерживало победу за победой. Потолок покрывался трещинами, осыпался под собственным весом, рискуя вскоре стать той же грудой камней, что и остальные постройки храма. Композицию здания скрепляли толстые лианоподобные растения, помогая стенам выдерживать тяжесть сводов.

В этих руинах он будет обучаться, в этом фундаменте без стен пройдут изощренные опыты и практикумы темной магии, в этом ветхом заброшенном храме. Некогда в светочехе для

многих душ, обители доброты и благодетелей. Сегодня же многократно оскверненном святилище, которое в сотый раз пропитается злобой и ненавистью, ощутит новую истерию боли от рук очередного вандала.

Ученик некроманта, словно изваяние, врос в каменные плиты пола, которые хаотической росписью, будто намеренно вырезанной мастером витиеватого узора, искололи выбоины и трещины. Сандро ждал учителя, а Аргануса все не было.

Возможно, просто запаздывал, но... Сандро с упоением и надеждой думал, что Хозяин забудет о своих словах и не придет, что недавний порыв учителя перегорит раньше, чем дело дойдет до практической магии. И все будет, как прежде. Жизнь не изменится, обучение закончится на лаборатории и теории.

Но надежды не оправдались: лич пришел, как обещал.

Сперва Сандро и не заметил приближения учителя: все его внимание было сосредоточено на руинах храма, поэтому услышал уверенные шаги Аргануса только тогда, когда тот был совсем близко. Лич остановился недалеко от ученика и швырнул ему деревянный посох, в оголовке которого сверкал бледно-зеленым светом нечеловеческий череп.

– Начнем первый урок...

Левой рукой Сандро поймал посох, который оказался гораздо тяжелее, чем думал мальчик, и дровко, проделав дугу, ударило юного ученика по голове. Сандро перехватил посох в правую, мертвецкую руку, и череп засверкал ярче, словно почувствовав мертвую силу.

– Этот посох будет проводником и усилителем твоей внутренней энергии. Итак, приступим.

С этими словами лич взмахнул рукой, растопырив фаланги пальцев, и остановил движение, когда раскрытая ладонь смотрела на Сандро. Мальчик ощутил грубое касание темной магии. Поток силы подхватил его, словно пушинку, облюбованную ненасытным ветром. Резко швырнул назад, вбил в стену и несколько мгновений прижимал к каменным плитам.

Арганус опустил руку, и пресс ослаб. Мальчик беспомощной тушей повалился на пол.

– Урок первый: всегда жди нападения, – надменно констатировал некромант.

Сандро скрипнул зубами от досады и боли: он не так представлял себе обучение. Словно искра, в душе загорелась жажда мести, желание ответить личу тем же, но магия Хозяина глушила всяческие попытки напасть. Это был нечестный бой, когда один может бить, а второму позволено лишь защищаться, причем не умея этого. В трактатах и манускриптах по темной магии всегда говорилось об атакующих заклинаниях, о том, что лучшая защита – нападение. Теперь Сандро понимал ошибочность этих утверждений.

Словно разъяренный хищник, он вскочил на ноги и махнул посохом в сторону испещренной трещинами колонны, вкладывая в это мановение всю свою ненависть. Столб разлетелся в мелкую труху, но искра злости не угасла, лишь разгорелась ярче, жаждая вырваться наружу.

Арганус безразличным взглядом посмотрел на останки колонны, резко перевел взор на ученика и повторил заклинание. Сандро вновь прибило к стене, но лич решил не ограничиваться первым примером, сложил руку в кулак – и мальчика сжало со всех сторон, сворачивая в комок. Его тело закричало, заскрежетало костями и мышцами, забило в конвульсивном припадке боли, выносить которую с каждой секундой становилось все сложнее.

И лишь когда Сандро завопил диким зверем, не в состоянии выдержать боль, Арганус опустил руку. Мальчик мешком повалился на землю, свернулся в позу эмбриона, по-прежнему сжимая мертвой хваткой новообретенный посох, прижимаясь к нему всем телом, словно магическое оружие поможет ему перебороть послеболие.

Сандро еще несколько мгновений лежал не в силах пошевелиться, чувствуя, как нарастает липкая бесконтрольная злоба, понимая, что уже не в состоянии сдерживать ее в тюрьме

сознания. Один только голос учителя вызывал у него остервенелое желание отомстить за полученные унижения.

– Урок второй: не отвлекайся от поединка, – хладнокровно выговорил лич. – Учти – очередной ошибки я не потерплю.

Пересиливая себя, Сандро разбавил необъятную, но ненужную злобу крупницей хладнокровия: Хозяин не привык шутить, новая оплошность будет сурово наказана. Надо взять верх над собой, разыскать в глубине памяти формулы, которые самостоятельно изучались годами. Формулы, которые смогут создать щит от «волны Тьмы». Но лич и не думал атаковать, вместо этого отвесив новое наставление:

– Урок третий: контролируй злобу. Давай ей выход, когда тебе это выгодно, и скрывай, когда она – слабость.

Сандро взъярился. Недолгие, но отчаянные попытки подавить в себе злобу рухнули, как карточный замок, в мгновение превратились в пепел, словно сухое сено под силой жадного пламени. Пять лет, которые он провел в замке Бленхайм, пролетели перед глазами и теперь показались сказкой. Все рабские прислуживания были легкой дымкой по сравнению с беспроглядным туманом пошлого избиения, название которому – «обучение». Ученик не может ответить нападением, не может достойно защититься из-за отсутствия практики. Он обязан чувствовать позвоночником каменную стену, ощущать слабость и беспомощность.

– На сегодня занятия окончены, – равнодушно выговорил Арганус. – Обдумай сегодняшний урок и завтра будь готов к новому. Твоя беспечность закончилась с этим днем.

Лич развернулся и пошел в сторону замка.

Сжимая руки в кулаки, Сандро смотрел ему вслед. Хотелось напасть! Коварно! Сзади! Когда Арганус не ждет удара! После шепнуть тлеющим углям: «Всегда жди нападения...»

Но все, что мог сделать юный некромант, – это сжимать в обиде кулаки, от ненависти скрипеть зубами и мечтать о несбыточной мести. Но так будет не вечно. Он еще покажет Арганусу, где скрывается истинная сила. Учитель увидит талант ученика и содрогнется перед его могуществом! Это будет! Но позже. А пока надо хоть как-то сгладить досаду, разбавить слабую сторону, показав сильную:

– Я приготовил эликсир! – выкрикнул в спину учителю Сандро.

Остановившись, некромант резко повернулся и посмотрел на ученика:

– Завтра мы его опробуем, – сказал он и, коварно блеснув глазами, предупредил: – Завтрашний урок ты запомнишь надолго. Повтори лекцию об упокоении.

Этими словами закончился первый урок темной магии.

Мальчик смотрел в спину учителя, быстро исчезающего вдаль. Обида крепла в слабом, но живом сердце, оседала в глубинах души мерзким осадком. Он ненавидел Аргануса, ненавидел темную магию, но рабски подчинялся приказам, терпел унижение и боль. Его изнутри сжигала жажда мщения, и единственным утешением была мысль, что, выучившись, он найдет способ вырваться из-под гнета Хозяина, после чего превратит его в пух и прах! Только так он успокоит свою ненависть ко всему неживому, ко всему, к чему притронулась рука некроманта...

Но Сандро подавил в душе сиюминутный порыв. Поднялся на ноги и, сильно опираясь на посох, чтобы смягчить боль в позвоночнике от недавнего урока, побрел в сторону замка. Арганус получит по заслугам, но это будет позже, а сейчас... сейчас Сандро смоем злость приятными ощущениями, которые надеялся получить при встрече с Энин.

Но он ошибался.

* * *

В сотый раз скрипнув проржавевшими петлями, двери резко распахнулись, впуская Сандро внутрь кельи. Не отходя от порога, он опер уродливый искривленный посох о стену, после

чего быстрым маршем пересек комнату и бухнулся в широкое кресло. Только усевшись, заметил, что на него яростно, едва сдерживая бешенство, смотрит Энин.

– Что ты с ней сделал? Отвечай! – грозно спросила она, не дав мальчику опомниться.

– С кем? – удивленно спросил Сандро, обводя взглядом комнату и понимая, что нигде не видит Анэт. Его вопрос уже утратил актуальность, но раздраженная Энин все же ответила:

– Где моя сестра? – Она говорила уверенно, чеканно. Сложилось впечатление, что она бесстрашная хозяйка, а не пугливая рабыня. Энин умело скрывала свой страх, она, как и прежде, боялась некроманта, пусть не так сильно, как при первой встрече. Но сейчас было не время для боязни. Ее сестра в опасности, а Энин привыкла стоять за нее горой, даже если рискует собственной жизнью.

Сперва Сандро невольно ступался от напора, который звучал в голосе Энин, но позже, нахмутив бровь, оценивающе посмотрел на девушку. Сегодняшний день ему явно не понравился. Сразу после рассвета он получил немалый заряд негативной энергии, и сдерживать неумную злость с каждым мгновением становилось все сложнее. Но, в очередной раз совладав с эмоциями, Сандро спросил учтивым голосом:

– Когда и где ты ее видела в последний раз?

– Когда ты меня уводил из кельи! – вскрикнула Энин, чувствуя, что от безысходности в голосе появляются плаксивые нотки.

Сандро спокойно наблюдал за всплесками девушки и, не обращая на них внимания, раздумывал над случившимся. Он не чувствовал за собой никакой вины – он не видел Анэт со вчерашней ночи, с того самого момента, как ушел в Неметон. И даже больше: он заколдовал ее на сон, чтобы она не помешала удачному вечеру. Если же она не уснула, значит, кто-то другой расколдовал ее.

– С того времени я ее и сам не видел, поэтому не могу знать, где она, – ответил Сандро. Его голос выказывал настолько большую уверенность, что Энин, сама не зная почему, поверила некроманту. – Наверное, она... – Сандро неожиданно замолчал на полуслове. Его ощущения... то странное чувство, которое преследовало его по пути в Неметон, слепая уверенность, что за ним следят... это чувство невольно вернулось, но теперь Сандро знал, что оно не было ни паранойей, ни наваждением, что это именно Анэт следила за ним и своей сестрой. Сандро, задумавшись, притих, размышляя, стоит ли рассказывать это Энин, и пришел к выводу, что такое знание лишнее.

– Почему ты замолчал? – спросила Энин, когда пауза затянулась. Ей показалось, что Сандро до чего-то додумался, что знает что-то весьма и весьма важное, но не хочет ей открываться.

– Возможно, она вышла из кельи и заблудилась. Бленхайм хуже лабиринта, в нем не мудрено потеряться, даже зная каждый закоулок. А Анэт, когда проснулась и не обнаружила рядом тебя, просто испугалась. Пошла искать, но вместо этого потерялась сама...

Девушка несколько мгновений переваривала полученную информацию, оценивая ее достоверность. Закончив с думами, она неуверенно протянула:

– Наверное... ты прав.

– Пойду поищу ее, – вставая, сказал Сандро.

– Я с тобой...

– Нет, – остановил девушку некромант. – Я хорошо знаю замок и быстро его обыщу, а ты только замедлишь поиски. Тем более – как отреагирует Анэт, если вернется в келью и снова не обнаружит тебя? Я пойду сам, – отрезал Сандро, не оставив Энин возможности оспорить его слова.

– Хорошо, – секунду помедлив, согласилась она. – Только, пожалуйста, поторопись...

– Постараюсь, – пообещал Сандро и немедля вышел из комнаты.

* * *

Сандро нашел Анэт там, где и ожидал, но увиденная картина его ошарашила.

Девушка лежала в ручье Неметона, запрокинув голову и с трудом глотая воздух. Мальчик молнией метнулся к ней. Пыхтя и падая, вытащил из воды. Анэт была без создания, ее кожа побледнела от холода, от озноба мышцы на руках и ногах судорожно сокращались, а тело било мелкой дрожью даже на солнце, которое одаривало Неметон теплом и в промозглые зимы, не говоря о царившей ныне осени. Девушка была чуть жива. Сандро боялся и подумать, что бы с ней стряслось, приди он чуть позже. Она хрипло дышала, грудь тяжело поднималась, иногда Анэт заходила кашлем и выхаркивала воду, скопившуюся в легких. Некромант склонился над девушкой и попытался привести в чувства легкими пощечинами, но это не помогло. Он уже собирался вlepить пощечину покрепче, но остановился, решив, что магия разбудит спящую быстрее. Он сплел пробуждающее заклинание, но стоило ему коснуться сознания девушки, некроманта прошибло, словно ударом молнии. Он испуганно шарахнулся в сторону, не веря тому, что увидел в ее мыслесфере.

Девушка стояла возле ручья, который по руслу напоминал ручей Неметон. Но вода в нем была неестественного грязно-черного цвета. Анэт окружили уродливые глазастые деревья, наблюдавшие за ней, словно живые, на другом берегу ручья выросли заросли ежевики и смородины с иссохшими почерневшими плодами на скрюченных ветвях. Вся эта картина напоминала Неметон – по форме, по очертаниям, даже по расположению деревьев и кустарников, но в каком-то изуродованном, искаженном облики.

А больше всего удивило не это. Сандро увидел самого себя, колдующего над Анэт. Двойник магией отделил от тела девушки какую-то девственно-белую светящуюся массу, и та, выходящая над землей, проделала немалый путь и улеглась в его собственной руке. А Сандро стоял на месте, улыбаясь такой злой и ехидной улыбкой, которую не смог бы повторить при всем своем желании.

– Ты... заслуживаешь... – Мальчика вернул в реальность хриплый голос Анэт. Она говорила с невероятным трудом, едва справляясь с ознобом и полубморочным состоянием: – Смерти... – закончила свою фразу Анэт.

– Это сделал не я, – спокойно ответил Сандро. – Это был морок. Ты видела кого-то другого. – Он оправдывался слишком хладнокровно, чтобы поверить в его слова, но по-другому разговаривать он не умел.

– Лжец... – стуча от холода зубами, бросила Анэт. Ее тело сковала судорога, в приступе невысказанной дугой изогнулась спина. Казалось, еще немного – и девушка переломает себе позвоночник. Но мышцы быстро расслабились, а Анэт вновь потеряла сознание и до заката не приходила в себя.

* * *

Сандро сделал несколько неудачных попыток оттащить девушку в замок, но, выдохшись, бросил эту затею. Но и оставлять Анэт одну без присмотра было нельзя. Поэтому он сперва разыскал место, где солнце светило особо ярко, а ветер был особо тих, и отволол девушку туда. После снял с нее мокрое платье, чтобы Анэт не оконечела окончательно, и укрыл своим плащом. Насобирав сучьев и безуспешно попытавшись зачаровать их – магические действия никак не удавались, – развел небольшой костер без помощи колдовства. Затем уселся напротив девушки и стал ждать.

Чем меньше времени оставалось до заката, тем холоднее становился воздух, тем быстрее истаяла пища для костра. Пора было идти в замок, и Сандро уже с нетерпением ждал пробуждения своей горе-рабыни. Девушка открыла глаза, когда солнце уже коснулось горизонта.

– Все некроманты... одинаковы... – не своим голосом, лишенным всяческих эмоций, сказала Анэт, чем заставила впасть Сандро в ступор. Сперва он не понял смысла слов, но, вспомнив, как прошло знакомство с девушками, догадался, к чему вела разговор Анэт.

– Твоя одежда мокрая, мне пришлось ее снять, чтобы тебе не стало хуже.

Анэт не ответила. Сандро внимательно посмотрел ей в глаза, подыскивая момент, чтобы заговорить о возвращении в замок. Но в голове крутились совершенно иные мысли.

Откуда появился двойник, и кто он, собственно, такой?

На этот счет у мальчика были свои догадки, он думал, что это дело рук Аргануса, что лич наваял на Анэт морок, но в этом предположении было два недостатка: учителю незачем притворяться мальчишкой, и мотивов к зачаровыванию Анэт у него не было – по крайней мере, открытых.

Вторым волновавшим Сандро вопросом был: какие отговорки придумывать перед Энин? Если сестра ей расскажет свою версию произошедшего, ему уже никогда не добиться хоть какого-нибудь расположения Энин. И это волновало его больше всего.

– Нам пора идти, – оставив внутренние вопросы нерешенными, сказал Сандро, когда солнце почти скрылось за горизонтом.

– Куда? – глупо спросила Анэт.

– В замок, – сурово ответил Сандро. – Сейчас прогретая земля остынет, и ты рискуешь подхватить болячку. Ты еще слаба, тебе нужен уход.

– Отведи меня к сестре, – пустым, меланхолическим голосом попросила девушка.

Некромант скривил гримасу: Анэт была явно не в себе.

– Вставай, – приказал он холодным тоном, но девушка лежала, как и прежде.

Он поднял ее сам, плотнее укутал в плащ и повел в сторону замка. Ему пришлось тащить ее за собой едва ли не волоком. Анэт шла медленно, вяло, нехотя переставляя ноги, упираясь, словно тупое животное, а не разумный человек. Она вела себя непривычно, чем лишний раз доказывала, что над ней поработал маг, но кто и что с нею сделал – оставалось загадкой.

Дорога по лестнице далась с диким трудом. Сандро настолько выдохся и взбесился от собственного бессилия, что едва подавил в себе желание, чтобы не сбросить спутницу со ступеней. Тем не менее, он довел ее до кельи. Пыхтя, вломился в комнату, на ватных ногах дотащил Анэт до кровати и словно колоду уронил в постель.

– Что с ней? – взволнованно подскочила к сестре Энин.

– Ничего... хорошего... – сердито выговорил мальчик.

– Почему она раздета? – удивилась Энин, когда сняла с сестры плащ некроманта, после чего, нахмутив брови, уставилась на мальчика.

«И та туда же...» – подумалось Сандро, но он смолчал, вместо этого рассказав почти правдивую историю, как все было, скрывая только о мороке Анэт с изуродованным Неметоном и своим двойником и тая надежду, что Энин поверит во все остальное.

– ...Она чуть не захлебнулась, да и замерзла бы, если б я пришел позже... – закончил свою повесть Сандро.

К этому времени Анэт уже спала – сладко, словно новорожденный, с бесстрастной улыбкой на лице. Энин плотнее укутала сестру в одеяло, села рядом с ней и стала медленно гладить ее желто-соломенные волосы.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она за спасение сестры.

Сандро невольно поежился, представляя, что она скажет завтра, после того как услышит версию Анэт с ужасной рожей и злобным хозяином-колдуном, который чуть не убил ее своей магией.

– Мне пора, – накинув на себя плащ и опустив капюшон, чтобы Энин не разглядела в его глазах неуверенности, выговорил Сандро. – Завтра новый урок с Арганусом, мне надо к нему серьезно подготовиться, иначе я рискую получить несколько новых увечий... – закончил он, расправляя плечи. Позвоночник застонал громким хрустом: за сегодня он перенес слишком многое, начиная от урока и заканчивая перетаскиванием нелегкой Анэт.

– Спасибо тебе большое за все, – еще раз поблагодарила Энин на прощание. – Ты очень добр к нам.

Сандро кивнул, не сказав ни слова, боясь, что голос дрогнет в неподходящий момент. Потом резко развернулся и вышел из комнаты.

Наконец этот день закончился.

Однако ночь только начиналась.

Глава 7

Магнетизер

Лечебный метод заключается в погружении больных в трансовый сон с помощью внушения, пассов, поглаживаний, музыки и специального ритуала...

...Чаны наполняли предварительно намагниченной водой и металлическими опилками. Он подходил к каждому и дополнительно касался больного магнитной палочкой. Большинство больных начинали ощущать в пораженных местах тепло, жар или холод, онемение или распирание, иногда боль или вибрацию. У некоторых больных наблюдались судороги, подергивания, плач, истерический смех, кашель, выкрикивания, движения головой, руками или ногами, некоторые начинали имитировать танец, игру на музыкальном инструменте, бытовую или профессиональную деятельность. Через некоторое время больные впадали в глубокое трансовое состояние и засыпали.

Больные получали хороший лечебный эффект.

Делез Жозеф Филипп Франсуа. «Критическая история животного магнетизма»

Бесшумно горели свечи. Не трещал воск, не шипели фитили. Бледно-желтый свет лился мерно, не прыгал, не мигал. Зачарованные свечи не чадили, не коптили потолок и стены. Они были лишены привычной жизни, как и все в замкнутом мире замка Бленхайм.

В лаборатории было тихо – настолько тихо, что слышались шелест переворачиваемых страниц и шорох вездесущих крыс. В широком зале не было никого, кроме серых пасюков и безликого силуэта в черных одеяниях, казавшегося в светлой лаборатории чернильным пятном на фоне цветастой мозаики. Он застыл, откинувшись на высокую спинку кресла, держа в руках толстый фолиант в рифленом переплете из твердой кожи. Он совсем не двигался, поэтому могло показаться, что он не живое существо из плоти и крови, а холодное изваяние из грубого камня. Но силуэт пошевелился. Неловко уложил книгу себе на колени, перевернул страницу и, взяв фолиант обеими руками, поднял с колен, снова вникая в уже знакомый текст.

Уже не в первый раз Сандро читал трактат по основам некромантии, но теория, не подкрепленная практикой, имела свойство выветриваться из головы, забываться. Желание освежить знания возникало крайне редко, но сегодня повторение пройденного стало делом неизбежным.

Мальчик перевернул еще одну страницу, сопроводив это действие привычным ритуалом. Он сидел за столом, уставленном химическими принадлежностями, мешавшими уложить на столешницу книгу. Гораздо проще было бы расчистить стол, убрать с него все лишнее, но Сандро не стал разрушать рабочего беспорядка, к которому уже давно привык. Вместо этого держал тяжелый фолиант в обеих руках, не обращая особого внимания на то, что перелистывание страниц оказывалось весьма неудобным занятием.

Еще более неудобным занятием была само учение. Теория... треклятая теория отчаянно не откладывалась в памяти, тут же выветривалась, и каждую страницу приходилось перечитывать по десять раз, прежде чем вспомнить уже знакомые формулы, в принципе не требующие повторения. В голову неиссякаемым потоком лились пугающие и всепоглощающие мысли,

которые не оставляли для знаний ни малейшего места. Сандро смотрел на каллиграфический почерк, которым были выведены магические формулы и разъяснения к ним, но видел совсем иное. Мысли унесли его в комнату, где уже давно спала Энин, спала тревожно, то просыпаясь и взволнованно глядя на сестру, то вновь засыпая и даже в мире грез и фантазий переживая за самое родное, что у нее осталось. Он видел эту картину, словно был там, он чувствовал тревогу Энин, словно был ею. Сандро отчаянно пытался выкинуть эти мысли из головы, избавиться от наваждения, ему во чтобы то ни стало надо подготовиться к уроку, освежить в памяти забытые заклинания, но... Сейчас Сандро думал только об Энин и о том, как заставить Анэт молчать, как сделать так, чтобы она не рассказала о своем мороке. Ему едва удалось сблизиться с Энин – теперь он не позволит несуразному случаю, непонятым видениям глупой девицы разрушить все то, чего он добился. Не даст нелепой ошибке, незнанию и клевете отдалить от себя Энин. Он этого не допустит! Но, вместо того чтобы действовать, приходится сидеть изгоем в лаборатории и тратить драгоценное время на обучение, тратить его впустую... Сейчас, когда время столь дорого, сейчас, когда на кону отношения с Энин. Сейчас! Когда! Надо! Действовать! Стоит Анэт раскрыть рот – и мечты Сандро рухнут, осыплются песочной пылью, стгнут, так и не осуществившись. Не осуществившись!..

Сандро оторвался от книги. Недовольным оценивающим взглядом забегал по столешнице, выискивая свободное место, чтобы уложить фолиант. Так и не найдя его, швырнул трактат на пол. Книга с громким шлепком, отразившимся гулким эхом от стен, упала на древнюю мозаику, поднимая столп пыли. Сандро в немом презрении посмотрел на творение некромантского искусства, с трудом сдерживаясь, чтобы не пнуть его ногой.

Словно почувствовав, что тишина умерла, у дальней стены пискнула крыса. Но эхо от удара уже утихло, и тонкий писк был настолько отчетлив, что безошибочно угадывалось, откуда он прозвучал. Сандро резко вскочил на ноги и нервным ударом, вложив в него всю силу, отправил фолиант к стене. Писк повторился, но на этот раз он был жалостливым и ничтожным – предсмертным.

Уверенными шагами Сандро пересек лабораторию и присел на корточки рядом с книгой. Взяв ее в руки, брезгливо отвернулся. Тяжелый фолиант раздавил крысу, словно по ней проехали колесом повозки.

– Мерзкое зрелище, – скривил лицо Сандро, опять взглянув на останки крысы. Но первичное недовольство и омерзение сменилось коварным и хитрым блеском в глазах.

Мальчик снял с руки кожаную перчатку, оголяя костяную кисть. Выговорив заклинание, притронулся кончиком пальца к измазанной кровью шерсти. Словно от воздействия кислоты шкура крысы расползлась, следом за ней растворилась плоть. Мертвое существо, оживленное темной магией, судорожно задергалось, переваливаясь и становясь на костлявые лапки. В провалах глаз вспыхнули два небольших огонька. Глаза – зеркало души. Как правдивы эти слова. Сейчас крысиная душа, ее эссенция, сущность отразилась в кроваво-красных зрачках, став связующим звеном между поднятым и некромантом.

Оживленная крыса, окинув нелепым взглядом измененное тело, повернулась к некроманту и упорно уставилась на него презрительным взором.

– Что смотришь? – брезгливо спросил Сандро и, не дожидаясь ответа, выговорил заклинание, превращая пасюка в грудку костей. Но он не стал окончательно убивать крысу. Теория требовала практики, а внутренняя злость искала выхода. Он заново выстроил разбросанные останки в оживленное нечто. Кости смешались в хаотическом беспорядке, но анатомическая точность некроманту была ни к чему. Упиваясь злым опытом, словно дурманящим вином, он вновь упокоил сросшиеся кости. Позже снова их соединил в одно целое. И продолжал свои опыты, с каждым последующим воскрешением превращая останки крысы в еще больший сумбур, а сам все больше наслаждаясь нездоровыми забавами. Уродуя пасюка темной магией, он

не просто штудировал теорию – он вымещал на беспомощном создании злобу, которая скопилась за сегодняшний день. Злобу, возникновению которой он обязан Анэт.

Если бы все сложилось иначе, если бы эта глупая девчонка не совала нос не в свои дела, не следила за ним – все бы шло своим чередом, и Энин изо дня в день все больше и больше привыкала бы к Сандро... но желанное не осуществилось. И сейчас, не в состоянии найти из этой ситуации выход, некромант просто выплескивал душевную бурю в мир.

– Балуетесь? – неожиданно спросил чей-то голос. В полной тишине лаборатории он прозвучал настолько громко, что Сандро от неожиданности подскочил, словно сжатая пружина, бросая при этом заклинание последнего умерщвления. Ожившее нечто, которое совсем недавно было крысой, заплясало костями на мозаичном полу, умирая второй смертью.

– Напугал, – скривил гримасу некромант, по привычке выискивая собеседника, зыря по сторонам, но в очередной раз никого не видя.

– И не противно тебе? – с укором поинтересовался Трисмегист.

– Нет, – твердо ответил некромант. – Я ненавижу крыс еще с детства. Зимой жрут запасы, осенью мигрируют, разнося заразу. Пусть хоть все подохнут, – не на шутку разошелся Сандро. Он был настолько зол, что уже не мог контролировать своих эмоций.

– Хорошее оправдание для насилия, – усталым снисходительным тоном выговорил Трисмегист. Его голос таил печаль: ему было жаль мальчишку, которого надо было спасать, спастись от самого себя. – Ты сделал то, что сделал, лишь потому что был зол. Тебе пора бы уже научиться контролировать свою агрессию...

– Не надо меня учить! – взорвался Сандро. – Контролировать агрессию... – перекивлял он Трисмегиста. – Сначала это говорит Арганус, теперь – ты! Я сам знаю, что мне делать!

– Спокойно. Усмири свою злобу, иначе она усмирит тебя, – спокойным тоном выговорил Трисмегист, и от этого спокойствия Сандро разозлился еще больше.

– Чего тебе вообще от меня надо? Я тебя не звал, так проваливай туда, откуда пришел. Тебе не место среди живых...

– Живых? – наигранно изумился Трисмегист. – Тут нет живых. Ты каждодневно убиваешь себя эликсиром... «недоросли»? Не важно. Кто еще? Арганус? Он еще веками раньше трансмутировал в лича, а его слуги уже давно утратили...

– Я жив! – перебил духа Сандро. – Мое сердце все еще бьется и все еще способно любить.

– Но чаще – ненавидеть.

– Так складываются обстоятельства, не больше, – парировал Сандро, даже не вздрогнув, хотя и сам не был уверен в правдивости сказанного. Тьма, окутавшая Хельхейм, не могла не коснуться его, а некромантия, как средство существования, уже поставила на нем свое клеймо.

– И как же они складываются? – давил на мальчика Трисмегист, имея лишь одну цель – прозвать, что мучает Сандро, и помочь ему в разрешении проблемы. Правда, делал он это своими, жесткими способами, но просто не умел иначе.

– Плохо... – огрызнулся Сандро, но уже без бывшего энтузиазма.

– Я могу тебе помочь?

– Чем? Чем ты мне можешь помочь, невидимка? – Последнее слово Сандро выговорил особо презрительно, но дух не обратил на это внимания.

– Многим, Сандро, многим. – У мальчика кольнуло в груди. К нему так редко обращались по имени, что оно прозвучало дико, показалось одновременно и чужим, не имеющим к нему самому никакого отношения, и родным, навевающим воспоминания из далекого детства – живого детства. – Если расскажешь, что тебя гложет, я помогу мудрым словом и посильным делом.

Сандро тяжело выдохнул, медленно и глубоко вдохнул. Больше не хотелось ни спорить, ни ругаться, хотелось почувствовать дружескую поддержку. Пусть Трисмегист не был ни чело-

веком, ни другом, но он мог поддержать, и Сандро впервые за долгие годы почувствовал, что может раскрыться, выговориться, что его выслушают, а не пошлют к Одноглазому.

– Что ты хочешь услышать? – шумно выдохнул Сандро и затаил дыхание.

– Все, – коротко ответил друид.

Сандро еще раз глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

* * *

– Мне надо подумать, – задумчиво протянул Трисмегист, когда Сандро закончил повествование. – Значит, Арганус держит в замке живых... – рассуждал он вслух. – С какой целью – ясно, не ясно лишь – почему он отдал их тебе?

– Я заслужил расположение хозяина, создав полезное для него зелье, – не хвастаясь, а констатируя факт, заметил Сандро.

– Это, конечно, о-очень важно, но скажи мне, сколько зелий ты создал до этого, и наградил ли тебя Арганус хотя бы за одно из них?

Сандро задумался. Пять лет он работал над новыми эликсирами, которые впоследствии хозяин выдавал за свои творения, но за все пять лет Арганус ни разу не удосужился вознаградить ученика. Хотя относился к нему вполне сносно, по меркам некромантов даже излишне лояльно – не как к рабу.

– То-то же, – так и не услышав ответа, заключил Трисмегист. – Все, что он сделал, неспроста. И видение, и зачарование Анэт – дела его рук. Но это не меняет сути: мы должны избавить девушек от интриг Аргануса.

– Надо как-то изолировать Анэт, чтобы она не проболталась сестре, – твердил свое Сандро, не обращая внимания на заявления Трисмегиста.

– Ты меня не слушаешь, – страдальчески протянул дух. – Изолировав живую, мы не решим проблему – только усугубим ее. Наша задача – помешать Арганусу зайти еще дальше.

– При чем тут Арганус? – раздраженно спросил Сандро. – Мне надо избавиться от Анэт, о большем я не прошу.

– Хорошо, – сдался Трисмегист. – На этот счет у меня есть одна идея.

– Какая? – тут же подхватил мальчик.

– Ты слышал о магнетизме? – спросил друид. Сандро ответил одобрительным кивком. – Ты гипнозом заставишь Анэт забыть о том, что с ней произошло.

– Моих способностей на такое не хватит, – разочаровался в занимательной идее Сандро. – У меня с трудом получается повелевать при помощи голоса, а о том, чтобы менять память или манипулировать людьми, не может быть и речи.

– Чтобы ввести в трансовый сон, достаточно знать один ритуал.

– Какой ритуал? – удивился Сандро.

– Объясню позже. Для начала нужен железный чан, металлические опилки и прут.

– И это поможет? – не поверил мальчик.

– Меньше слов – больше дела, – поторопил друид. – Мне помнится, ты спешил.

Сандро вздрогнул, понимая, что время утекает, словно песок меж пальцев.

– Чан и прут есть. С опилками сложнее, – отрапортовал мальчик.

– Можно использовать любое железо, но чем больше будут предметы, тем менее эффективным окажется результат.

– На кухне есть столовые принадлежности из железа, – предложил Сандро.

– Арганус расточителен, – ухмыльнулся Трисмегист. – Тратить материал на ненужные вещи... Ну что ж, это сыграет нам на руку.

– Может, приступим к делу? – на этот раз поторопил Сандро.

– Возьмешь чан, наполнишь его водой и закинешь в него железо. Дальше я намагничу воду, сделаю ее пригодной для ритуала. – Дух на мгновение замолчал, потом продолжил, пере-

ходя на шепот, словно заговорщик: – Теперь слушай внимательно, – приказал он, но это было излишним: все внимание мальчика уже было приковано к его словам. – Когда начнется главная фаза, твоей задачей станет концентрация. Не теряя ее, ты должен по мелким шажкам проникать в глубь памяти жертвы... пациента. Ты должен слиться сознанием с тем, кого магнетизируешь, на мгновение стать им – и после этого вычеркнуть из его памяти ненужную информацию, заменив ее другой, которую придумаешь сам.

– Если все должен сделать я, зачем ритуал?

– Он станет катализатором твоей внутренней энергии, возбудит в тебе способности, которые плотно скрыты за неведением и отсутствием практики. Если будешь развивать этот талант, никакие ритуалы или посторонние предметы не понадобятся, а пока... пока делай так, как я сказал.

– Хорошо, – без споров согласился Сандро. – Как должен проходить ритуал?

– Об этом позже. Для начала все приготовь. И еще: я пойду с тобой. Но для этого ты должен взять книгу – я все еще прикован к ней и не могу от нее отдалиться.

Сандро молча прошел к шкафу в дальнем углу лаборатории и извлек из него небольшую сумку, специально предназначенную для ношения книг. Затем прошел к стеллажам, вытащил уже знакомый фолиант в искажившемся от огня кожаном переплете и слегка обгорелыми краями страниц.

– Надеюсь, ты меня не обманешь... – прошептал себе под нос мальчик, засовывая книгу в заплечную сумку.

* * *

– Я не буду этого делать! – стоя на расстоянии десятка шагов от дверей в келью, воскликнул Сандро. Потом понизил голос и уже шепотом добавил: – Ты не говорил, что я должен вскрывать ей вены.

– Потому что знал, какая будет реакция, – сухо ответил Трисмегист. Сандро только сейчас заметил, что в монотонном говоре духа стали проявляться эмоции. Трисмегист крепчал, с каждым новым днем все увереннее чувствовал себя в реальном мире. – К тому же никто не говорил, что надо «вскрывать» – хватит небольшого надреза, важно само кровопускание как элемент ритуала.

– Я не верю тебе и не буду проводить ритуал, – заупрямился Сандро.

– У тебя нет времени для раздумий. Скоро рассветет, и уже никто не помешает Анэт выдать тебя и твою тай...

– Не выдать, а ошибочно обвинить, – поправил Сандро. – И уж лучше я оставлю все как есть, чем причиню ей боль.

– Боли ты никому не причинишь. Анэт будет в трансе и ничего не почувствует, а ты, как и любой некромант, сможешь залечить рану. На запястье останется тонкий, едва различимый шрам, и сама Анэт не поймет, откуда он появился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.